

[Polaris]

А. Осендовский



ЖЕНЩИНЫ,
Восставшие и побежденные

POLARIS



ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CXXVI



Salamandra P.V.V.

**Антоний
ОССЕНДОВСКИЙ**

ЖЕНЩИНЫ, ВОССТАВШИЕ И ПОБЕЖДЕННЫЕ

Затерянные миры
Том XIV

Salamandra P.V.V.

Оссендовский А. Ф.

Женщины, восставшие и побежденные: Фантастическая повесть (Затерянные миры, том XIV). – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 110 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CXXVI).

Кровавое восстание женщин, ищущих равноправия, оборачивается поражением – и суфражисток ссылают на антарктический остров. Пытаясь спасти возлюбленную, присоединившуюся к изгнанницам, капитан Седельников открывает невероятный мир кампартов.

В новом выпуске серии «Polaris» к читателям впервые возвращается повесть «Женщины, восставшие и побежденные» – яркий образец увлекательной и необычной фантастики польского писателя, ученого, путешественника и авантюриста Антония Фердинанда Оссендовского (1876-1945).

А. ОССЕНДОВСКІЙ.

ЖЕНЩИНЫ, ВОЗСТАВШІЯ и ПОБѢЖДЕННЫЯ

РОМАНЪ



1915



**ЖЕНЩИНЫ, ВОССТАВШИЕ
И
ПОБЕЖДЕННЫЕ**

I.

ДЕНЬ ОТЧАЯНИЯ

Кроваво-красное, трепетное небо нависло над землей, откуда рвалось кверху с шипением, свистом и оглушительным гулом пламя. Оно охватывало великолепные дворцы знати и хранилища искусств, перекидывалось на церкви, общественные здания, вокзалы и кварталы бедняков, вызывало взрывы и новые разрушения, неся ужас и безграничное смятение.

В один день и в один час во всех больших городах мира вспыхнули пожары и залили потоками огня улицы и площади и зловещим заревом, какого никогда еще не видела земля, озарили небо.

Крики и стоны стояли в городах, глухо, в безумном ужасе завывала бегущая из городов толпа людей, лаяли собаки, с тревожными криками и громким лопотом крыльев носились и падали в пламя обезумевшие птицы, с зловещим смехом перебегали из дома в дом шайки грабителей и озлобленной черни.

Иногда весь этот хаос звуков покрывался грохотом обрушившегося здания или гулом взрыва, и тогда видно было, как неслись по воздуху и кружились в дыму и длинных языках пламени люди, камни и глыбы вскинутой под облака земли и горящего асфальта и железа.

С жалобным звоном лопались стекла в домах и храмах, с сухим треском срывались с пьедестала статуи и падали, давя своей тяжестью десятки обезумевших от огня и ужаса людей.

Пока местные власти выработали план борьбы с огнем, большая часть населения городов погибла или убежала в поля и в окрестные парки.

Здесь избегнувшие смертельной опасности беглецы начали передавать друг другу свои впечатления, делиться свои-

ми неожиданными и случайными наблюдениями.

И как это ни странно, но в чопорной Европе, в пестрой Калькутте и в деловом Фриско эти впечатления и наблюдения были удивительно похожи.

Повсюду замечены были женщины и совсем юные подростки-девочки, перебегающие от дома к дому, от дворца к дворцу и копошащиеся у стен и подъездов. И как только удалялись эти женщины от домов, тотчас же вспыхивал пожар, зажигаемый чьей-то могущественной и мстительной рукой.

Когда, наконец, власти принялись за спасение городов, — в их руки попали несколько женщин и девочек. Они были задержаны в то время, когда разбрасывали маленькие шарики, воспламенявшиеся ярко-синим огнем и поджигающие дома, так как железо и медь немедленно вспыхивали от них и горели, разбрасывая кругом целые снопы искр, распространявших пожар все дальше и дальше.

Некоторые из арестованных поджигательниц раскидывали повсюду листки, в которых говорилось о поджоге городов всего мира женщинами, тщетно пытавшимися достигнуть равного с мужчинами положения.

«Мы насчитываем в своих рядах,— говорилось в этих листках, — равное с вами, мужчины, число гениальных и энергичных людей. Почему же вы все еще предоставляете нам роль рабынь или ничтожных помощников ваших? Мы уже два месяца боремся с вами, и теперь мы решились. Огонь и кровь, — вот отныне наш лозунг...»

Листки говорили правду.

Огнем восставшие женщины залили все культурные очаги трех континентов, а смятенная, охваченная безграничным, животным страхом толпа, давя, терзая и силой стараясь спасти жизнь, обильно проливала свою кровь, оставляя на горящих улицах, среди пожарища целые горы трупов.

Пламя, подхваченное налетевшим ветром, знойным, как самум, накаленным в пожарах, властно охвативших города и бегущих уже по деревьям парков и фабричным поселкам вглубь страны, протягивало жадные, красные руки к тихим деревням и селениям.

Огонь истреблял лучшие здания и необходимые сооружения; пламя уже перекидывалось на дворцы искусств, где, пощаженные веками и самыми жестокими завоевателями, хранились величайшие творения гения человечества.

Были мобилизованы войска, городские милиции и полицейские отряды. Города разделили на такие районы, гибель которых была неизбежна, и на такие, отстоять которые представлялось еще возможным.

Горящие кварталы были взорваны саперами и, когда дома, храмы и огромные корпуса фабрик и заводов превратились в груды тлеющих развалин, приступили к борьбе с огнем и к защите от пламени еще не охваченных кварталов.

Упорная борьба длилась десять дней.

В Москве — на Воробьевых горах, а в Мадриде у Эскуриала на Сьерра-де-Гредос, а в других городах — на окружающих высотах наскоро соорудили огромные водоемы и запруды и по трубам направили воду в города, где она по крышам разливалась по площадям и бурными потоками мчалась по улицам.

В конце концов то, что пощадил огонь, испортила и разрушила вода.

Но не прошло и трех месяцев с того дня, когда погас пожар, и в городах все восстановилось. Выросли, как по волшебству, железобетонные многоэтажные дома, появились асфальтовые мостовые и тротуары, ярко вспыхнули электрические солнца и, глухо гудя, побежали веселые, пестрые трамваи.

Люди, — эти части одного огромного и сложного механизма, называемого обществом, — сразу же принялись за свою обычную деятельность, и сразу же загудели, загревели фабрики, запыхтели пароходы и засвистели паровозы, увозя и привозя людей и товары в город, где недавно свирепствовал огонь.

В министерствах и конторах трещали машинки и щелкали арифмометры и костяшки счетов, шелестела бумага и неисчерпаемым потоком растекалась по миру.

Когда же все пошло по-прежнему, — наступил день расплаты.

Главные руководительницы всемирного клуба борющихся женщин были арестованы, сыщики отыскивали одну за другой поджигательниц и заключали их в тюрьмы. Были найдены все улики против тех, кто уничтожил почти все до основания богатые города, гордые своей вековой культурой.

Под Петербургом в небольшом особняке, стоящем на дальней окраине, где уж начинаются огороды и редкие лачуги поденщиков, была обнаружена лаборатория суфражисток.

Здесь был найден большой запас каких-то серебристых шариков, хранившихся в герметически закрытых сосудах. При испытании этих шариков оказалось, что они были приготовлены из какого-то неизвестного сернистого металла, напоминающего натрий, но гораздо легче его. Шарики эти были покрыты тонким слоем магния. Эта оболочка, окисляясь, давала доступ воздуху к веществу шарика, и он вспыхивал, выделяя столько теплоты, что из камней выплавлялись металлы и начинали гореть, и вспыхивали, как солома, толстые железные балки и массивные медные и бронзовые предметы.

Пока ученые эксперты разбирались в сложном составе вещества, поджегшего города, а полиция собирала все улики против суфражисток, — суд вынес свой приговор.

Хотя поджигательницы по законам того времени должны были быть казненными, но соединенный международный суд пришел к иному решению, изменив соответствующую статью закона.

Суфражистки были признаны типами явного вырождения, опасными для культурного общества и одержимыми заразной формой психоза.

На этом основании было решено избавить общество от борющихся женщин и поселить их на одном из островов, входящих в состав Антарктической области, снабдив их всем необходимым для существования, и предоставить сосланных их собственной судьбе на пятилетний срок.

В описываемое время путешественники побывали уже на Южном полюсе, описали вулкан Гефеста, являющийся

самой южной точкой нашей планеты, но признали весь Антарктический материк бесплодным, мертвым, для культуры непригодным.

— Антарктические земли, — писали современные географы, — это призрак смерти, угрожающий земле, это — начало смерти, переход нашей планеты в тот вид, какой издавна приобрела мертвая луна.

Так писали ученые, и вот в эту-то область стужи и смерти культурное общество ссылало на неизбежную гибель своих матерей, жен и сестер за то, что их нравственные и умственные запросы требовали широкой деятельности и не могли мириться с подчиненной ролью в общей работе на пользу всего человечества, великодушно принимающего от них плоды их гениальности и необычайной энергии.

II.

ЭКСПЕДИЦИЯ РУССКОГО ПАРОХОДА «ОКЕАН»

Большое, в 10.000 тонн водоизмещения, русское быстроходное судно «Океан» уже 14 дней было в море.

До назначенного срока оставалось уже немного, но командир «Океана», молодой опытный штурман дальнего плавания Илья Максимович Седельников, был спокоен и знал, что вовремя дойдет до мыса Доброй Надежды, где был сборный пункт.

Седельников был очень недоволен, когда в Петербургском порту он получил предписание от своего правления принять на борт 540 арестантов и содержать их в тюрьме до мыса Доброй Надежды, где он получит новый приказ.

Узнав, что ему придется взять на «Океан» женщин, командир немедленно отправился в правление и просил освободить его от этого неприятного и унижительного, как он выразился, поручения.

— Почему унижительно это поручение, Илья Максимович? — удивленным голосом спросил его директор, откинувшись на спинку мягкого кресла.

Седельников нахмурил свои густые брови, отчего его загорелое, бронзовое лицо сделалось суровым, и сказал:

— Я узнал, что повезу в ссылку суфражисток, тех женщин, которые, как они говорили на суде, с отчаяния пустили красного петуха по городам. Я не видел этой забавы, так как в то время путался с грузом австралийского мяса в Саргассовом море, но читал об этой штуке много интересного. Быть может, все это очень худо и преступно, — не спорю, но ведь на такое дело с радости люди не ходят. Видно, была большая обида... так я думаю... А вот теперь я должен вести больше пятисот женщин на смерть. Среди них учительницы, а из них одна, может быть, учила и моих мень-

ших сестер, чьи-нибудь матери... врачи, смело идущие на смерть ради спасения страждущих, ученые... Эх! Лучше избавьте вы меня от этого дела... Совестно мне что-то...

Илья Максимович энергично махнул рукой и повторил:

— Лучше избавьте меня!..

— Никак нельзя, дорогой капитан, — пожал плечами директор, — никак нельзя! Все опытные штурманы в плавании, а неопытному обществу не может доверить такое отличное судно, как «Океан». С другой же стороны, нужно помнить, что общество наше за этот рейс получает прекрасную премию, пренебрегать которой мы не можем...

И директор начал уговаривать капитана, причем словно невзначай упомянул, что командиру «Океана» никто не мешает по возможности облегчить подневольным пассажирам долгий морской переход. Илья Максимович подумал немного и согласился.

III.

ЖИВОЙ ГРУЗ

За час до выхода из порта командиру, в последний раз обходившему судно, доложили, что его желает видеть дама.

Крайне удивленный, Седельников вышел на набережную.

Здесь он встретил молодую девушку, одетую в широкое дорожное пальто, с желтой сумкой через плечо.

— Мне необходимо переговорить с вами, капитан, — заявила девушка и вскинула на него смелые, яркие глаза.

— Слушаю! — произнес, приподнимая фуражку, Илья Максимович. — Но только я должен предупредить вас, сударыня, что мой корабль менее чем через час выйдет в море.

— Да, я знаю это! — сказала девушка, направляясь вместе с капитаном по трапу на борт «Океана».

Усадив свою неожиданную посетительницу в кают-компании, Илья Максимович внимательно взглянул на нее. Он разглядел свежее, молодое лицо, глубокие синие глаза и энергичный подбородок. Из-под шляпы выбивалась прядь непокорных каштановых волос.

Девушка нетерпеливым движением прекрасных узких рук, с длинными и тонкими пальцами, поправляла волосы и все более и более смущалась под восхищенным взглядом моряка.

Зардевшись до самой шеи, девушка неестественно суровым голосом сказала:

— Я Ольга Разина, дочь одной из ваших пленниц, капитан...

— Как? — всплеснул он руками. — Вы дочь той, о которой рассказывают столько ужасного? Ведь это она изобрела вещество для поджога?

— Никто из нас этого не будет отрицать! — гордо подняв голову, сказала Разина. — Да, это — моя мать! Но я долж-

на приступить к делу...

Девушка сжала руки и сильнее заволновалась.

— Капитан! — продолжала она. — Вы уходите сейчас в море. Возьмите меня в качестве трюмного пассажира! Я должна последовать за своей матерью: она больная, старая женщина... У вас, капитан, ведь тоже была, а может быть, еще жива мать... Вы поймете, как тяжело и горько мне!

— Я могу предоставить вам место на моем корабле, сударыня, — произнес после долгого раздумья Илья Максимович. — Но вы поплывете в качестве классного пассажира, и предупреждаю, что мне, вероятно, придется доставить арестованных в область антарктических островов.

— Я там останусь, — просто сказала девушка.

Через полчаса после этого разговора в уютной каюте девушка раскладывала свой багаж, а на палубе гремела лебедка, вытаскивая якорь и, по временам конфузливо закрывая рукою рот, ругался Седельников, распоряджаясь отходом от пристани и выходом в Морской канал.

В море Илья Максимович так скучал, как никогда. Объяснялось это очень просто. Во время обыкновенных рейсов на пароходе бывало шумно и весело. Пассажиры развлекались во время долгих переходов, и присутствие людей скрашивало однообразие плавания.

В этот раз все было по-иному. На палубе виднелись только дежурные матросы, уныло смотревшие за борт и изредка выкрикивающие:

— Военный корабль с правого борта!

— Парусник за кормой!

Седельникову казалось, что он везет с собой груз мертвецов.

Тихо и спокойно было в трюмных помещениях, и даже ночью, когда все звуки становятся резче и явственнее, командир тщетно напрягал слух, но ни одного громкого слова не улавливал он.

Илья Максимович напрасно искал встречи с Ольгой Константиновной Разиной. Она все время проводила вместе с арестованными, редко даже на ночь возвращаясь в свою каюту.

И только тогда, когда «Океан» начал склоняться к тропику Рака, на параллели острова Ланцароте, около 30-й параллели, рано утром он застал девушку на юте.

Солнце стояло еще низко над горизонтом, но море отражало его знойные лучи, накалявшие палубу и натянутый над ней брезент. Девушка сидела грустная и безучастно следила за большой фелюгой с парусами из пестрых циновок, сплетенных из листьев пальм.

На этих узких, с высокими гребнями на носах барках ходили и пели заунывными голосами чернокожие рыбаки в красных повязках вокруг бедер и на головах. Из воды высовывали черные, гладкие головы акулы и, повертываясь, сверкали белыми животами и показывали противные пасти, усеянные несколькими рядами зубов.

При виде их свертывали свои пестрые паруса нежные аргонавты и медленно погружались в море бесформенными, серыми комочками.

Илья Максимович долго смотрел на девушку, наконец, сняв фуражку, подошел к ней и поздоровался.

— Опять зной,— сказал он, — а я, признаться, возлагал большие надежды на северо-восточный пассат. Он иногда дует в это время и тогда несет с собой немного дождей и свежести. Но теперь я вижу, что плыть нам до другого тропика, до мыса Фрио, в зной!

Девушка слушала его рассеянno, а потом вдруг закрыла лицо руками и разрыдалась.

— Что с вами? — обеспокоился Седельников и с участием в голосе спросил: — Скажите, в чем дело? Быть может, я сумею помочь вам!

— Случилось то, чего я опасалась! — шепнула девушка. — Они начали хворать. И моя мать... она тоже...

— Почему же вы не сказали мне об этом?! — воскликнул командир. — Ведь у нас есть врач на борту и аптека.

— Они не хотят! — ответила Ольга Константиновна. — Они знают, что едут умирать, умирать в больших мучениях, и потому предпочитают более легкую смерть здесь, на борту парохода.

— Я не могу допустить этого! — привычно строгим голосом заявил Седельников. — Сейчас же прикажу разместить всех арестованных в каютах второго и первого классов...

— Они не хотят этого, — повторила девушка, — и я не знаю, что мне делать!..

— Простите, сударыня! — уже тоном приказания сказал командир. — Я знаю, что мне следует делать. Я обязан доставить на мыс Доброй Надежды порученных мне людей в отличном состоянии и доставлю.

С этими словами движением руки он подозвал вахтенного матроса и приказал:

— Вызвать запасную смену на палубу! Убрать все каюты, приготовить все на полный комплект пассажиров! Да живо!

— Есть! — крикнул, вытягиваясь, матрос и побежал в помещение боцманов.

Вскоре на носу и на корме залились свистки и затопали бегающие матросы. Работа кипела.

Когда все было готово, командир пригласил к себе судового врача и приказал ему перевести всех арестованных из тюрьмы в палубные помещения.

И когда арестованных переводили наверх, когда перетаскивали их имущество, Илья Максимович отсутствовал. Он заперся в своей каюте и не показывался, предоставив старшему офицеру наблюдать за работой.

Седельников намеревался провести у себя в каюте и на баке дня три, пока все тревожения улягутся и неизбежное чувство благодарности притупится у арестованных.

Но судьба расстроила его планы. К вечеру того же дня ему доложили, что сразу захворали трое механиков, и из них только один мог кое-как оставаться при машинах, чтобы не поручать их заботам слесарей и малообразованных кочегаров. Однако, к ночи всем троим сделалось хуже, и машины по приказанию командира были застопорены, так как Седельников не решился доверить их низшей машинной команде.

Была уже ночь. Полная луна заливала спокойное море серебристым светом. Созвездия, чуждые северному челове-

ку, дрожа и переливаясь различными огнями, горели на черном небе, казавшемся куполом с висящей под ним гигантской лампой — луной.

Изредка рябили зеркальную поверхность сонного моря высоко выпрыгивающие рыбки, а за ними, как стрела, взлетала на воздух морская щука, — хищная рыба с упругим и длинным, словно у змеи, телом.

Рыбы падали в воду, и там уже продолжалась погоня и последняя борьба. О ней можно было судить по фосфорическому блеску, расходящемуся длинными струйками или постепенно потухающими кругами.

Иногда под самым бортом «Океана» проплывала фелюга араба, потомка средневековых завоевателей-мавров. Ее хозяин сидел неподвижно, как изваяние, на корме, зажав под мышкой кривую рукоятку руля, а наемные матросы, дюжие, нагие сенегальцы и либерийцы медленно гребли скрипящими в ременных петлях бесконечно длинными, неуклюжими веслами.

Видя стоящий в открытом море пароход, араб вставал и, подняв кверху руку, кричал на своем гортанном наречии:

— Ай-ага! Имым адрап?*

Не получив ответа, он раздражался проклятиями и медленно растворялся вместе с своей фелюгой за завесой лунного света, отраженного водой.

Командир быстро ходил по капитанскому мостику и иногда останавливался и склонялся над морским атласом, соображая, куда ему пойти, чтобы нанять надежного механика.

Он уже решил как-нибудь добраться на немногочисленных парусах до английской фактории Батурет и хотел спуститься в свою каюту, когда его снизу окликнули.

— Кто там? — спросил Седельников, перегнувшись через перила мостика и стараясь разглядеть темную фигуру, стоящую в тени, бросаемой лестницей.

* Эй, командир! Что случилось? (Здесь и далее прим. авт.).

— Это я! Разина! — ответили снизу. — Разрешите подняться к вам?

— Пожалуйста, Ольга Константиновна! Буду очень счастлив, — обрадовался Илья Максимович. — Чем могу быть вам полезным?

— Я к вам по вашему, на этот раз, делу! — серьезным голосом сказала девушка. — Конечно, вы, как и все мужчины, будете смеяться над моим предложением, но у вас, кажется, нет выбора, а потому оно для вас выгодно.

— В ваших словах, — улыбнулся Седельников, — я слышу пока лишь насмешку, но это — все! Больше я ничего не понимаю.

— Видите ли, — смутилась Разина, — я хочу предложить вам свои услуги в качестве механика. Я — дипломированный инженер-механик и машины знаю отлично. Кроме меня, в числе ваших подневольных пассажиров наберется еще несколько инженеров, так что ваша машинная команда будет, если вы принимаете мое предложение, с избытком пополнена.

— Я не умею красно говорить, — сказал, протягивая девушке руку, Илья Максимович, — это не мое дело, но я от всей души благодарен вам и, конечно, с радостью принимаю предложение! Что же касается моей благодарности...

— Не будем об этом говорить! — прервала его Разина. — Что бы мы ни сделали для вас, — мы всегда останемся перед вами в неоплатном долгу! Особенно же... я...

Теперь смутился Седельников и, стоя перед красивой девушкой, подбирал в голове разные приличествующие случаю выражения, но не успел, так как Разина деловым тоном заявила:

— Я сейчас же организую вахты, и мы немедленно тронемся в путь.

Она быстро сошла с капитанского мостика, а через полчаса командир был вызван к телефону из машинного отделения.

Разина тем же деловым, привыкшим к дисциплине голосом доложила:

— На «Океане» имеются четыре инженерных машинных вахты; от 1 до 7 ч. нахожусь в машинном трюме, я, инженер Ольга Разина; а следующие вахты займут по очереди мои товарищи, фамилии которых будут внесены в вахтенный журнал. Разрешите, капитан, поднять пары?

— Прошу тотчас же дать полный ход! Мы запаздываем...

Через два часа после этого разговора «Океан», оставляя за собой длинную полосу черного дыма, величественно рассекал воды Атлантического океана, держа курс на острова Вознесения.

С этого дня все шло благополучно. Больные суффражистки и механики поправлялись, и только одному из механиков пришлось сделать вскрытие образовавшегося на печени нарыва, последствия тропической лихорадки, так называемой на Канарских островах — «кайтаме».

Добродушный судовый доктор, привыкший лечить команду касторовым маслом и хинином, а пассажиров — содой, валерьяновыми каплями и лимоном, был в ужасе, когда понял, что нужна серьезная операция.

Его выручила одна из ссылаемых — Инна Михайловна Гаврилова, хирург, работы которой пользовались всемирной известностью.

При таких условиях, хотя срок прибытия на мыс Доброй Надежды близился, Илья Максимович был совершенно спокоен за то, что его «Океан» в назначенный день бросит якорь на Маттуэр-банке, на рейде Капштадта.

Но ему было неприятно думать об этом. Он за время плавания проникся глубоким уважением к этим энергичным, спокойным женщинам, а чувство восторга вспыхивало в нем, когда он взглядывал на черные и огрубевшие, но все еще прекрасные руки Ольги Константиновны.

Однажды, когда «Океан», пройдя о. Св. Елены, находился уже на параллели английской колонии Шепмансдорф, на западе земли готтентотов, теснимых с севера и юга немцами из Дамары и Намакуа, Седельников подошел к прогуливающейся на баке девушке и тихим голосом сказал:

— Позвольте мне надеяться, что я доставлю вас обрат-

но в Россию?

— Скажите, Илья Максимыч, — так же тихо ответила девушка, — вы бы не последовали за вашим отцом?

Долго молчал командир, борясь со своими мыслями, наконец, махнул рукой и сказал:

— Я бы за ним пошел в таком деле повсюду!

И, повернувшись на каблуках, с низко опущенной головой, он быстро пошел прочь и заперся в своей каюте.

А «Океан», бесстрастный и могучий, быстро подвигался к югу и нес невольных пассажиров к неизбежной гибели, а молодого капитана — к мукам неизбывного горя...

IV.

НА МЫСЕ «ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ»

Когда на горизонте западного берега Африки начали вырисовываться синие зубцы Ньюфельдских гор, «Океан» начал быстрее идти к югу и, сравнявшись с мысом Кестль, обогнал испанский грузовик «Santa Cruz». На корме черного, грязного парохода был полуопущен флаг, как на всех судах, везущих каторжников в испанские колонии Африки, «на галеры», а вдоль борта стояли часовые с примкнутыми к ружьям штыками.

— У нас куда проще! — язвительно заметил старший помощник капитана, человек пожилой и желчный.

— Из моряков тюремщиков понаделали! — презрительно пожал плечами Седельников и начал быстро спускаться на палубу, чтобы отдать последние распоряжения, так как на другой день «Океан» должен был быть в виду мыса «Доброй Надежды».

На судне шла работа. Мыли и скребли палубу, чистили медные и бронзовые части, убирали закоптелый тент и натягивали новые желтые чехлы на свернутые паруса, туго притянутые к реям.

Илья Максимович несколько раз в этот день видел Ольгу Константиновну. Глаза их с тихой, дружеской лаской встречались, но ни словом не обмолвились о своих переживаниях девушка и привыкший скрывать свои чувства моряк. Самое главное было сказано.

Девушка в деловом вопросе командира поняла его чувство, прочное, как вся природа этого закаленного, сильно-го человека.

И Седельникову казалось, что в глазах Разиной он читает ответ на свое чувство, и в нем росла уверенность, и зажигалась радостная надежда, дающая ему счастье.

Какое-то решение назревало в голове Седельникова.

Он всю ночь проходил по кают-компании и ждал чего-то.

Ему казалось, что Ольга Константиновна придет сюда, и он скажет ей то, о чем думал он весь день и всю мучительную долгую ночь под стук машины и плеск поднявшейся от Карро волны.

Илья Максимович не ошибся. Девушка пришла в кают-компанию. Она была одета так же, как и тогда, в петербургском порту, когда пришла к нему просить взять ее на борт парохода.

— Я вас искала на мостике, капитан, — сказала Ольга Константиновна, — но не нашла вас там. Мне вахтенный сказал, что вы здесь. Я пришла поблагодарить вас за благородное, человеческое отношение к тем, которые едут на смерть. Мне, как и всем нам, осталось жить недолго, но если бы нам было суждено иное, мы всю свою жизнь помнили бы вас!

Девушка крепко пожала ему руку.

— Спасибо! — сказала она.

— Все это пустяки, мелочь! — раздражительным голосом заговорил Седельников. — Так сделал бы всякий честный человек, и в этом нет ничего благородного или сколько-нибудь примечательного! И не стоит говорить об этом, так как, если уж на то пошло, так еще большой вопрос, кто кому должен быть благодарен: вы мне или я вам? Без вашей помощи мне не добраться бы к сроку до мыса Доброй Надежды, чтобы ее черт побрал, эту Надежду... Извините ради Бога, Ольга Константиновна. А не дойди «Океан» вовремя, общество уплатило бы большую неустойку правительству, а я был бы обременен тяжелыми штрафами. Да все это вздор, пустяки! Я не о том хотел говорить с вами... Я вас полюбил, Ольга Константиновна, полюбил так, как может полюбить женщину мужчина, когда он узнал и понял ее душу, когда он почувствовал в любимой женщине сильного, крепкого, как скала, человека... Я не могу даже поверить, что эта соединенная эскадра культурных наций, которая соберется там, около Капштадта, повезет и вас на южный полярный круг, и оставит, лицемерно снабдив вас всем,

что нужно для жизни... для жизни, которая там оборвется сразу, лишь только наступит период циклона. Нет! Нет! Бога ради, выслушайте меня! Никто не может быть против того, что я предложу: ни вы сама, ни матушка ваша, ни те несчастные, которых я везу на смерть. Мы с вами вернемся в Европу и обдумаем способ спасти сосланных в область вечных льдов. Пусть они продержатся лишь год, лишь год один, а в апреле будущего года мы отыщем их и спасем!.. Я вам клянусь, что мы это сделаем, только вернитесь, только не оставайтесь там, в этом ужасном изгнании!..

Седельников в порыве своей страстной просьбы сорвал с головы фуражку и стоял перед девушкой, не сводя с нее умоляющих, горящих глаз.

Девушка долго молчала. По ее серьезному лицу и нахмуренным бровям можно было судить об ее мыслях. Когда она подняла на капитана глаза, то они были затуманены и грустны.

— Я с радостью услышала то, о чем вы говорили мне, — сказала она тихим, задушевым голосом. — Я счастлива тем, что вы меня... полюбили. Но я должна остаться с ними. Я буду ждать вас на будущий год и в это время употреблю все свои силы на то, чтобы победить все опасности, какими угрожает нам наша ссылка!

В каюту быстро вошел вахтенный начальник, младший офицер «Океана», и доложил:

— Илья Максимыч, нам навстречу идет английский миноносец и сигнализирует, чтобы мы прибавили ходу!

— Просигнализируйте англичанину, что мы идем под русским флагом, и что на нашем судне командиром состоит Седельников и все приказания в море исходят только от него!

Разина весело засмеялась.

— Ответ отличный! — воскликнула она. — Я верю, что на будущий год мы с вами встретимся... там!

И она указала на юг...

V.

ПЛАВАНИЕ СОЕДИНЕННОЙ ЭСКАДРЫ

Когда «Океан» вошел на рейд перед мысом Доброй Надежды, он очутился в виду целой эскадры. Преобладали великобританские флаги, так как из Англии в ссылку отправляли около 10.000 женщин. В течение дня прибыли еще несколько пароходов, а на другой день стоянки с юга пришел английский крейсер «King Adalbert» под командой адмирала Джона Гренгмута, правнука знаменитого полярного путешественника Тоультона Гренгмута, прошедшего зиму на южном полюсе и погибшего там при весьма таинственных обстоятельствах.

Он шел на лыжах навстречу прибывшим за ним соотечественникам, его видели быстро скользящим со снежной горы и вдруг скрывшимся за бледным пламенем, словно вырвавшимся из-под его ног. Потом путешественники заметили черное, распластанное на снегу тело Гренгмута. Когда они подошли к нему, то убедились, что он был мертв, а его ноги были оторваны вместе с частью бедер и желудочной области, хотя ни обрывков тела, ни следов крови нигде не было найдено.

Смерть осталась загадочной, и никто не узнал ее тайну, хотя в дневнике Тоультона Гренгмута было найдено несколько очень странных записей.

Так, между прочим, этот отважнейший из исследователей полярных стран пишет:

«...в ночь на 12 декабря при 50 и 60° С вся видимая к югу область начала излучать голубовато-зеленый свет, под влиянием которого начали быстро таять льды и снега и в воздухе слышалось журчанье и плеск бегущей воды. Внизу подо мной начиналось наводнение, и я лишний раз поблагодарил природу за данную мне предусмотрительность, заставившую построить мой резиновый дом на вершине Стробеуса».

В другом месте путешественник пишет:

«Сегодня я увидел на север от пика Гратамос движущуюся точку. Она необыкновенно быстро росла и вскоре превратилась в нечто, напоминающее автомобиль. Он пронесся в расстоянии двух километров от меня, и я лишь заметил клубы снега, вздымаемого вырывающимся газом из пронесшегося экипажа. Я всю ночь жег от своих аккумуляторов фонарь над домом, пускал сигнальные ракеты и стрелял, но промелькнувший, как видение, автомобиль не возвратился».

Так писал этот холодный, никогда не увлекающийся ученый исследователь и, казалось бы, эти отрывки из его дневника должны были поднять интерес к южным полярным странам. Однако, изучение Гренгмутом южного материка доказало почти полное отсутствие на нем фауны и флоры, за исключением нескольких видов, очень тщательно описанных погибшим ученым.

Географические общества признали изучение Антарктиды оконченным и явления свечения земли и таяния снегов приписали случайному прорыву лавы под толстый слой льдов, подобно тому, как это еще в XIX столетии наблюдал американец Смильсен при извержении антарктического вулкана Террора на земле Виктории.

Что же касается появления странного мотора, не остановившегося на сигналы Тоультона Гренгмута, то международный съезд географов объяснил это прибытием к нему, к пику Гратамос, какой-нибудь экспедиции, не заметившей сигналов англичанина.

Лишь только вернулся на рейд Капштадта «King Adalbert», на его реях повисли разноцветные сигналы, предписывающие судам с ссылаемыми женщинами быть готовыми к отплытию через 16 часов.

Начались спешка и лихорадочная работа по нагрузке и снаряжению пароходов, приемка запаса свежего провианта, ремонт машин и укрепление носовых частей судов на случай встречи с полярными льдами.

К вечеру того же дня командир «Океана» получил пакет с приказом международного судебного трибунала сле-

довать за английской эскадрой, идущей к острову Гарвея курсом на о. Эндерби.

Во главе эскадры должен был идти «King Adalbert», только что нашедший для изгнанниц верную могилу на всеми позабытом о. Гарвее.

В назначенный час, всегда исполнительный Илья Максимович приказал поднять на мачте флаг и был готов к плаванию. Когда «King Adalbert», глухо загудев, двинулся к югу, то в кильватере десяти английских грузовых пароходов шел чистенький, стройный «Океан», словно не имеющий ничего общего с черными и мрачными великанами, переделанными в строгие тюрьмы.

После однообразного и скучного плавания в почти необитаемом океане, где лишь короткоклювые киты и морские леопарды, гоняясь за идущими кораблями, несколько развлекали пленниц и команду судов, эскадра бросила якорь в виду о. Эндерби.

Здесь впервые почувствовали пассажиры ледяное дыхание южного полюса.

Студеный южный ветер вздыбил огромные волны, они со злобным шипением ударялись о железные борта пароходов и, казалось, были передовыми воинами властителя огромного необитаемого южно-полярного материка.

Когда же пароходы, укрепившись на якорях, спокойно сопротивлялись натиску ветра и волн, приплыли полчища плавучих льдов. Тогда вся эскадра укрылась за северо-восточными отрогами скалистого мыса Парри и, ничем не тревожимая, простояла до утра.

От острова Эндерби до острова Гарвея переход среди некрепкого плавучего льда, шедшего небольшими площадями, был хотя и не труден, но неприятен и медлителен, а потому в течение тех трех суток, которые провел почти бесценно Илья Максимович на мостике, плавание показалось ему бесконечным, и он, укрываясь от резкого южного ветра, ворчал:

— Да! Доберешься сюда в другой раз! Как же?!

И он готов был в отчаянии плакать, а порой дикое бешенство нападало на него, и тогда он без всякой причины

накидывался на людей и даже раз, чего с ним за все время его службы в море не случилось, ударил не исполнившего его приказание боцмана.

Но, наконец, ночью с «King Adalbert'a» взвилась сигнальная ракета, а затем просемафорили, что можно вставать на якоря и что глубина рейда 21 фут. «Океан», обойдя идущий впереди корабль, встал справа от него и опустил кормовой флаг.

До самой зари Седельников не сходил с мостика и смотрел, как где-то среди снегов и льдов таинственного юга вспыхивали какие-то огни, то потухая, то вновь загораясь и озаряя слабым светом мертвенно-бледное, замерзшее небо.

Командиру почудилось, что кровожадные духи ледяной пустыни жадно ждут своих жертв и тревожно бегают и ищут их следы. В вое ветра, гудящего среди такелажа парохода, Илья Максимович ясно различал угрожающие, злобные голоса, порой стоны и вопли или дикую, торжественную песню смерти.

И когда он взглянул на длинную вереницу сигнальных огней на судах и вспомнил о том, какое дело собирались они делать здесь, у этого пустынного острова, чувство стыда и досады заставило его закрыть лицо руками.

— Уйти отсюда, нарушить приказ и плыть обратно...— мелькали в голове капитана тревожные, лихорадочные мысли, и он, сознавая их полную бесполезность, терзался и бросался по всему судну, как дикий, обезумевший зверь. В бессильном отчаянии он упал головой па перила мостика, а его сильное коренастое тело содрогалось от тяжелых, мучительных рыданий.

Когда кто-то коснулся его плеча, Седельников даже не поднял голову и спросил:

— Что надо?

— Это я, Разина! — услышал он голос Ольги Константиновны.

Девушка стояла перед ним с взволнованным лицом и протягивала к нему свои прекрасные, тонкие руки.

— До свиданья! До свиданья! Я знаю, что мы увидимся!
— прошептала она.

Илья Максимович с надрывным криком припал к ее рукам, а она взяла его голову и прижала к своей груди. И не сказав более ни слова, она быстро спустилась вниз, где уже пленницы приготавливались к высадке.

Ранним утром, лишь только забрезжил свет, моторные катера начали перевозить с пароходов на отлогий берег припасы, тюки с инструментами и необходимой утварью, ящики со стеклом и железными листами, сваливать строительный лес и бочки с цементом, рулоны толя, войлока, картона, огромные кипы ваты, шерсти, бумаги и шкур.

Генеральное судилище, казалось, озаботилось всем, и государства, принявшие участие в приговоре над суфражистками, снабдили сосланных всем необходимым для их существования на пустынном острове Гарвея, куда лишь изредка заплывают пингвины, полярные гагарки и устраивают кратковременные лежбища мелкие ластоногие.

Наконец, настал день выгрузки людей.

Те же катера свозили на берег острова сосланных женщин.

Молчаливые, гордые перед лицом неминуемой смерти, эти старухи, молодые женщины, девушки и подростки, почти дети, принявшие участие в поджоге городов, спокойно смотрели в даль, где над свинцовыми, холодными волнами выступала невысокая гряда серых, неприветливых скал.

Не оглядываясь на свои плавучие тюрьмы, плыли женщины на остров, и только с четырех катеров, идущих под русским флагом, всякий раз, когда отплывала новая партия ссыльных, махали платками одинокой коренастой фигуре, стоявшей на капитанском мостике «Океана».

Это был Илья Максимович Седельников, который сухими, горящими глазами смотрел на уплывающих, а когда отошел последний катер с Ольгой Константиновной и ее матерью и оттуда донесся громкий крик:

— До свидания! — когда вновь затрепетали вдоль борта катера белые платки, командир снял фуражку, поднял ее высоко над головой, а потом остался стоять с непокрытой

головой, неподвижный и осунувшийся.

Сколько времени оставался в таком полубытьи Седельников, — он не знал. Холодный ветер рвал на нем плащ и трепал волосы, снегом занесло ему глаза и усы, но очнулся он только тогда, когда старший помощник, войдя на мостик, доложил:

— Илья Максимович! Выгрузку закончили благополучно. Все катера уже на таях. Пришел приказ от начальника эскадры.

Седельников, как автомат, равнодушно взглянул на своего помощника, заочневшими руками взял у него пакет и прочитал:

«Военным торговым судам всех флагов в течение 5 лет не разрешается подходить к берегу острова Гарвея ближе, чем на 100 английских миль, причем высадка людей на берег ни под каким предлогом не допускается. О настоящем постановлении командира международной эскадры предписывается командирам судов сделать соответствующие объявления в портах и морских журналах.

Адмирал Джон Гренгмут, командир крейсера
“King Adalbert”».

Другой приказ адмирала сообщал об окончании выгрузки изгнанниц и разрешал всем судам возвращаться в те порты, к которым они приписаны, или взять курс по любому направлению, по усмотрению своих командиров.

Седельников решил переждать ночь и на заре сняться с якоря. Он отдал все распоряжения вахтенному начальнику и перед отходом приказал разбудить себя.

VI.

ГИБЕЛЬ ПАРУСНИКА «ВАН ГААГЕН»

Когда «Океан», описывая большую дугу, повертывался кормой к острову Гарвея, Седельников в последний раз осматривал неприветливый берег в сильный морской бинокль.

На берегу на высокой скале был поставлен столб с большой вывеской, написанной на английском языке:

— Остров Гарвея — место ссылки суфражисток всех народов мира.

Илья Максимович приказал в знак прощания трижды опустить марсовый флаг. Ему ответили тем же остающиеся еще на рейде суда, но не за ними наблюдал командир «Океана».

Он искал сигнала с берега.

И почудилось ли ему, или действительно так было, — это утверждать не мог бы и сам Седельников, но ему показалось, что у столба с вывеской появилась человеческая фигура и трижды махнула в сторону моря.

Чувствуя, что он сходит с ума и что отчаяние железными клещами щемит ему сердце, Седельников быстро сбегал в кают-компанию и крикнул дежурному помощнику:

— Полный ход по курсу мыс Доброй Надежды.

Повернувшись к буфетчику, он приказал, падая на диван и закрывая лицо руками:

— Пить!

Два дня и две ночи, не переставая, пил Седельников.

Офицеры не решались входить в кают-компанию и, наконец, призвали доктора и посоветовали ему попытаться уговорить Седельникова лечь спать.

С большой нерешительностью доктор вошел в кают-компанию и, будто ничего особенного не случилось, сказал:

— Ты бы, Илья Максимович, соснул у себя в каюте! Вредно ведь пить и не спать...

Командир медленно обвел комнату мрачным, отяже-

левшим взором и уставился на доктора.

— Совесть мучает!.. — сказал он хриплым голосом. — Спать нельзя!..

— При чем тут совесть? — начал было доктор. — Сделал, что было приказано, и только!..

Седельников встал на ноги с такой легкостью, словно ничего в рот не брал, и одним прыжком был возле доктора.

Он опустил ему руки на шею.

— А-а, так? — прошипел он. — Так? Хорошо же! Слушай! У тебя в госпитале лежит кочегар Маринчук. Ты знаешь, что его обожгло паром и что он умрет?

— Да, он почти уже кончается! — ничего не понимая еще, ответил доктор.

— Ну так вот, слушай! — продолжал командир и сильнее нажал шею доктора. — Я, — командир твоего корабля, приказываю тебе, судовому врачу, немедленно умертвить морфием напрасно страдающего кочегара Маринчука, который уже кончается. Живо!

— Медицинская этика не позволяет врачу исполнить такое приказание! — воскликнул доктор. — За это мне грозил бы жестокий судебный приговор!

— Так ты думаешь, жалкий лекаришка, — загремел Седельников, ударом ноги опрокидывая стол и отталкивая от себя доктора, — ты думаешь, что твоя медицинская этика выше моей совести? Черти! Висельники! Собаки!

После этого случая командир «Океана» заперся в своей каюте и вовсе не выходил на палубу.

Помощники капитана, механики и врач не знали, что делать с Седельниковым и со дня на день откладывали решение этого сложного вопроса. Неизвестно, сколько времени длилось бы такое положение, если бы не выручил случай.

На параллели Фалькландских островов юго-восточный пассат начался как-то совершенно неожиданно. Океан сразу почернел и прежде, чем по барометру можно было предсказать погоду, — налетел бешеный шквал, подняв волнение, и начал швырять идущий без пассажиров и груза пароход, как легкую шляпку.

При первых ударах тяжелых волн в правый борт «Океана» Седельников поднял голову, открыл запухшие глаза и насторожился.

Его опытный слух различил шипение пены на гребнях волн и свист ветра. Он выглянул в иллюминатор.

Море было совсем черное, и по нему бежали ослепительно-белые полосы «барашков». По небу, как безумные, мчались облака и то разрывались в отдельные клочки, то сбились в плотные серые кучи.

Командир надел фуражку, прошелся несколько раз по просторной каюте, расправляя отекавшие руки и ноющую грудь, а затем поднялся на палубу.

— Крепи тали, подтрави шкоты! — загремел его голос с привычной властью. — Боцман, свистеть на аврал!

На капитанском мостике появление командира было встречено с радостью и одновременно с изумлением, так как никто не надеялся, что после такого продолжительного пьянства Илья Максимович будет в состоянии прийти в чувство.

А Седельников, между тем, совершенно спокойно рассматривал у компаса карты и слушал доклад вахтенного начальника.

— Нас отнесло на запад, — сказал Илья Максимович, — и несет по ветру к островам Бувэ. Штурвальные, переложите на другой борт!

— Есть! — откликнулись рулевые от штурвала. — На другой борт!

— Мы склонимся к острову Кергулену и на него возьмем курс. Волной и ветром нас будет по-прежнему сбивать к западу и, таким образом, мы не отклонимся от мыса Доброй Надежды. Занесите наш курс в шканцевый журнал!

Седельников был спокоен. Хмель сразу сошел с него, словно свежий ветер сорвал его, как приставшую к платью соломинку. С каким-то щекочущим чувством радости он смотрел на кипевшую кругом работу. Слушал свистки боцманов, приказания штурманов и улыбался, замечая любопытные взгляды, бросаемые на него командой.

— Стараться, стараться! — радостным голосом крикнул командир. — Горячее дело будет! Ветер свежеет....

Слова его, подхваченные ветром, разносились по всему кораблю, и матросы, подтягивая канаты и крепя шлюпки, бормотали:

— Ну, отошел командир! Такой все выдержит! Здоров человек!

И они с почтением смотрели на уверенно шагающую по мостику коренастую фигуру капитана. А Седельников улыбался и чувствовал, как беспричинная, непонятная радость охватывает все его существо и уничтожает все следы отчаяния, так мучительно терзавшего его.

Он пошел на ют и здесь, опершись на швартовочные тумбы и круги канатов и цепей, впился глазами в море, уходящее к югу, к острову Гарвея, где осталась случайно встреченная им и так крепко любимая настоящей любовью девушка.

Над той частью моря нависли черные, тяжелые тучи. Казалось, они теснят и давят воду и ту необитаемую студеную землю, где мороз правит свой безумный, безжалостный бал.

Тоскливо сжалось сердце моряка, и даже слезы навернулись на глазах, но в душе его не угас вдруг вспыхнувший огонь надежды. Седельников был уверен, что должно случиться событие, которое изменит к лучшему и направит на новый путь его так неожиданно изменившуюся жизнь. Как это произойдет и отчего, — этого он не знал, но не сомневался в этом.

Был третий час дня, когда командир, сделав последние распоряжения, спустился к себе в каюту и приказал подавать обед.

Это был первый раз за эти четыре дня. Буфетчик и веселые вздохнули свободнее, и радостнее сделались лица помощников, механиков, штурманов и доктора.

— Наконец-то, — говорил он, потирая руки, — кают-компания опять наладилась. А то какое-то осадное положение было!

Во время обеда ветер посвежел на три балла, и корпус «Океана» дрожал под напором волн, с бешеной силой несшихся по ветру. Иногда казалось, что судно переломилось: так вздрагивало и трещало оно, скользя с верхушки вала в пучину водяной пропасти.

К концу обеда в кают-компанию вбежал закутанный в теплый непромокаемый плащ матрос:

— Вахтенный начальник приказал доложить командиру, что с норд-оста виден парусник и что он терпит бедствие. На фок-мачте у него сигнал «подай помощь», а грот, видно, снесло в море. Какой флаг — не различить!

— Ступай навверх, — приказал матросу Седельников, — и скажи вахтенному, чтобы держался ближе к паруснику и, как будет на виду, доложить!

— Есть! — ответил, поворачиваясь, матрос и быстро вышел из кают-компании.

— Да-с! — заметил старший помощник командира. — Несладко в такой пассат под парусами трепаться в здешней пустыне...

— Однажды, — сказал Илья Максимович, — как только я окончил училище, мне предложил один богатый финн свезти в Пернамбуко груз облицовочного камня и соснового волокна для бумажных фабрик, а обратно захватить бразильского красного и черного дерева. Шел я из Ганге на паруснике в 300 тонн и трепнул меня этот же юго-восточный пассат почти на самом экваторе. Не думал я уйти живым. Потерял оба марселя и кливер, но, к счастью, мачт не поломал. Снесло меня тогда южнее тропика, почти на параллель порта Ротаро, на 600 верст без малого южнее Пернамбуко. Помню я этот город отлично и с той поры всегда жалею тех, кто под парусами плывет в этих местах.

Сверху протелефонировали в кают-компанию.

— С левого борта голландский парусник. Крен градусов пятьдесят. Гибнет. На корме вижу надпись «Ван Гааген», — докладывал младший помощник командира. — Что делать?

— Застопорить машину и лечь в дрейф! — приказал Седельников и встал из-за стола.

— Господа! — сказал он. — Перед нами сейчас сложная и ответственная задача: спасти терпящих бедствие на паруснике. Мы — моряки и все мы знаем, что это — наша священная обязанность. Прошу по местам, господа!

И сам впереди всех он быстро покинул уютную кают-компанию.

На море был ад.

Волны сшибались в какой-то безумной схватке, змеями взливались кверху и, оплетая друг друга своими пенистыми телами, ныряли в пучину. Шипя и ревя, обрушивались в бездну высокие водяные горы и целым потоком соленых и холодных брызг и клубами тумана рассыпались в воздухе, смятённом и взволнованном от ревущего и свистящего дикого вихря, беснующегося в водяной безграничной пустыне. В грохоте волн, ударяющих в железный корпус парохода, и в завывании ветра слышались чьи-то тревожные или злобные голоса, звуки труб и гул далеких выстрелов. Казалось, что волны приносили с собой отголоски далекого боя и, распадаясь здесь и волнуя море, рассказывали страшную повесть разрушения и смерти.

Но Седельникову некогда было вслушиваться в ужасающую музыку моря и бури.

Парусник, подняв высоко корму и обнажив весь руль и кормовую часть киля, вдруг ткнулся носом в воду и с каждым мгновением быстрее и глубже зарывался в волны.

— Шпангоуты у барка* сдали! — крикнул старший механик. — Теперь уж рифов не возьмет. Шабаш!

— Да! — сказал Седельников. — Теперь конец! Течь идет быстро...

— Уже фор-стеннга-стаксель погрузился в воду... Полный ход вперед! — крикнул он по телефону в машинное отделение. — Если спустят шлюпку, может быть, перехватим...

Пока «Океан», борясь с встречной волной и ветром, медленно подвигался, парусник все более и более накренился и уже краями разрезных фор-бом-брамселя и грот-трисе-

* Барк — трехмачтовое парусное судно.

ля* полоскался по верхушкам воли и только на бизань-мачте, сорванный с юферсов и с бык-горден-боутов, хлопал и трепался крьюсель. Фока-рей и фор-марса-рей упали, разрушая часть правого борта и открывая доступ волнам, и тогда только с кормы начали быстро спускать на воду большой восьмивесельный вельбот.

Его долго колотило об обшивку «Ван Гаагена», пока, наконец, ловким маневром рулевому не удалось сразу же отбросить вельбот на гребень уходящей волны, перекатившейся через всю палубу тонущего парусника.

— Молодец, штурман! — в восхищении крикнул Седельников и тотчас же свистнул в авральный свисток.

Подбежавшему боцману он прокричал в самое ухо:

— Готовь линек и круги! Поставь на юте и на баке ловких метальщиков! Скажи, что по 25 рублей за всякий хороший удар дам. Живо!

Волны несли бот с пятнадцатью людьми, то вскидывая его на самую вершину так, что весь киль был на виду, то низвергая его вниз, в пучину гигантских воронок и провалов.

Медленно приближался к нему «Океан», а море боролось с ним, словно зная, что он отнимет у него его жертвы.

Штурман, находившийся на корме парохода, приложив ладони к губам, крикнул:

— Allo! Kord!**

Рыжий, дюжий, как медведь, матрос Горленко широко замахнулся и завертел гирькой линька.

Откинувшись назад, он вдруг сразу броском подался вперед, и сквозь вой ветра и шум воды слышно было, как, шелестя и тонко свистя, взвилась крепкая веревка.

— Держи коне-ец! — раздались новые голоса, и еще два линька унеслись в туман, стоящий над морем, где в волнах маячил вельбот с мерно нагибающимися и откидывающимися людьми, изо всех сил выгребавшими к пароходу.

* Названия парусов.

** Крик, когда бросают спасательный линек.

На корме стоял молодой, высокий человек с открытым, отважным лицом.

Ветер сорвал с него шапку и развевал и трепал его светлые волосы, но он, крепко упираясь ногами в дно, не выпускал из сильных рук руля и уверенными движениями направлял бот к пароходу.

При окрике с парохода на шлюпке все насторожились и приготовились принять спасательный линек.

Но две гири, не долетев, исчезли в воде, и матросы с парохода начали травить концы.

Только гиря Горленко ударилась в дно баркаса, и линек повис на борту. Торопливые, ловкие руки схватили его и вскоре привязанный к линьку надежный трос, как черная змея, поплыл от парохода к вельботу.

Долго возилась еще команда «Океана», пока удалось ей подвести вельбот к борту и спустить трап, но к вечеру пятнадцать новых пассажиров прибавились на пароходе, и все, от командира до последнего смазчика, считали этот день самым радостным за все время плавания «Океана» к острову Гарвея.

Человек, так искусно управлявший баркасом, был владелец погибшего парусника, голландский горный инженер Питер ван Гааген.

После горячих излияний благодарности за спасение он, не теряя времени, приступил к расспросам, куда идет «Океан» и что он делал в этих пустынных водах.

Узнав, что корабль идет свободным курсом в Петербург и не имеет назначенных сроков прибытия в попутные порты, ван Гааген предложил Седельникову законтрактовать «Океан» на месяц.

— Мне необходимо, — сказал голландец, — попасть на 63 градуса между 52 и 53 параллелями южной широты. Случайно побывавшие в этих местах наши голландские шкиперы донесли мне о появившемся там новом вулканическом острове... Я не скрою от вас, капитан, и того, что возбуждало во мне интерес к этому случайно появившемуся клочку земли. Шкиперы привезли мне в Амстердам куски трахитов и базальтов, отбитых ими от скал этого острова. В

их пустотах я нашел алмазы и думаю, что богатая железная лава, пройдя через слой угля, отложившегося на дне океана, растворила его, а, охладившись в твердые породы, выделила его в виде кристаллов алмаза. Наша фирма занимается вот уже 600 лет шлифовкой драгоценных камней. Дом ван Гаагенов шлифовал «Ко-и-ноор», «Луну Востока», знаменитый «Кулинан»* и другие бесценные и редкие экземпляры алмазов и цветных драгоценных камней. Я предпринял экспедицию, но не нашел в Капштадте свободного парохода и был вынужден купить парусное судно, — и вот видите, какая участь постигла нас...

Седельников согласился на очень выгодные для его общества условия голландца, и вскоре «Океан» плыл в ту часть Индийского океана, где появился новый остров.

* Названия крупнейших в мире бриллиантов.

VII.

НА ОСТРОВЕ АЛМАЗОВ

Илья Максимович много слышал о южной части Индийского океана, где с особенной силой проявляется подводная вулканическая деятельность. Он не сомневался, что ван Гааген говорит именно об этой области, тем более что и географическое положение неизвестного острова вполне совпадало с предположением капитана.

Недолго думая, Седельников направил свое судно на север и к утру следующего дня уже вышел из сферы юго-восточного пассата, от которого осталось лишь небольшое волнение, почти не ощущаемое «Океаном».

Доплыв до Туасова моря, как называют моряки вулканическую часть Индийского океана, Седельников два дня крейсировал здесь, отыскивая следы вновь появившегося острова. Он, наконец, послал матроса на фор-марс осмотреть горизонт, и тот заметил на юго-востоке узкую полосу земли.

«Океан» осторожно подходил к незнакомому берегу, опасаясь подводных рифов и, приблизившись на расстояние трех кабельтовых, выслал вперед шлюпку для промеров. Однако, лот нигде не нащупал дна, а потом «Океан» медленно подошел к самому берегу острова, который, как гигантский столб, поднимался со дна моря.

Остров тянулся мили на три с севера на юг и в ширину около двух миль, медленно повышаясь от берегов к середине. Это была совершенно пустынная груда нагроможденных базальтов и серых трахитов. Ни травы, ни заносимых обычно ветром и волнами южного багульника и кактусов не было на его поверхности, и только огромные крабы при приближении людей неуклюже шаракнулись в разные стороны и юркнули в воду.

Путешественники обошли весь остров и нигде не нашли следов пребывания человека.

Поверхность острова была покрыта серым песком, состоящим из мелких кристаллов полевого шпата, яшмы, роговой обманки, кварца, слюды и аметиста.

Ван Гааген, положив на руку щепотку этого песка, с видом знатока рассматривал его, по временам одобрительно покачивая головой. Наконец, он зачерпнул воды в захваченный с собой стакан и бросил в него несколько крупных кусков поднятой с земли породы.

— Смотрите! — радостно воскликнул он и поманил к себе проходящего вблизи Седельникова. — Вот, видите, — это алмазы.

Илья Максимович увидел среди темных песчинок и обломков разноцветных кристаллов несколько блестящих камешков.

— Это алмазы! — опять воскликнул ван Гааген. — Какая таинственная игра света, какой немеркнущий блеск! За работу! За работу немедленно же! Я обязуюсь купить все добытое на этом острове.

В багаже, спасенном с парусника, у ван Гаагена оказались патроны с динамитом и твердые стальные сверла для бурения в камне длинных ходов, куда закладываются патроны для раздробления скал.

Пыл голландца, а отчасти его заманчивое предложение скупить у всех добытые алмазы заставили горячо приняться за работу.

Начали с того, что далеко завезли якоря «Океана» и укрепили его на случай ветра и волнения.

Судовые механики устроили большие ступы для толчения обломков скал. Из трюмов вытащили доски и бревна, разобрали деревянные нары третьего класса и над глубокими ямами поставили крепкие деревянные стойки, с которых падали вниз тяжелые куски железа, движущиеся на обломках при помощи цепей от лебедок парохода.

Команда наскоро строила длинные желоба и ставила насосы для подачи воды на промывальные столы с поперечными брусками.

Когда все было готово, все сооружения построены, — в южной части острова ван Гааген со своей командой, состоя-

щей из опытных минеров из Иоганнесбурга, приступил к опасным работам.

Весь день слышались оглушительные взрывы в возвышенной части острова. Клубы дыма и пара, высокие столбы каменной пыли и мелких осколков взвивались кверху, и весь остров дрожал и, казалось, колебался на своей подводной основе.

Три дня тянулась эта тяжелая работа, после чего приступили к толчению раздробленной динамитом породы в ступах и к промыванию полученного мелкого песка на столах.

Все были заняты работой, — и только Седельников не принимал в ней участия, считая такое безудержное стремление к наживе несовместимым с высоким званием моряка и командира судна.

Он бродил по острову и изредка подходил к промывным столам, где то и дело слышались радостные возгласы.

Действительно, около планок, идущих поперек столов и задерживающих самые тяжелые части сносимой текущей струей воды породы, часто загорались сильным блеском круглые и продолговатые обломки алмазных кристаллов.

Илье Максимовичу стоило большого труда удержать на пароходе обычную строгую дисциплину и уследить за правильной сменой и работой вахт, потому что все люди его команды рвались на работу.

Казалось, что эти сто человек задались целью снести весь остров, превратить его в пыль и рассеять ее по необозримой равнине океана.

Когда до конца контракта с ван Гаагеном осталось всего два дня, голландец подошел к командиру и сказал:

— Ваши помощники и вся ваша команда из Антверпена вернутся домой богатыми людьми, и только вы один не принимаете участия в этом обогащении. Не угодно ли вам продлить наш договор и остаться с «Океаном» еще две недели? Я удвою мою контрактную ставку, капитан, я лично вам уплачу по прибытии в Голландию значительную премию!

— Простите меня, но я должен отказать вам в этом! — сказал Седельников. — По пути сюда я снесся по беспрово-

лочному телеграфу с Грахамстоуном, откуда будет передано по кабелю мое извещение правлению общества, в котором я имею честь служить. В Петербурге меня будут ждать в строго определенное время, г-н ван Гааген, и вы, конечно, согласитесь, что изменить свое решение при этих условиях я не могу. Что же касается премии лично мне, то она будет уплачена мне не вами, а моим правлением из суммы, полученной от вас за фрахтование «Океана». Итак, — через два дня мы снимемся с якоря!..

Ван Гааген не ожидал другого ответа от такого моряка, каким был Седельников, а потому не удивился, а только печально вздохнул и пошел к работающим.

Илья Максимович, обойдя все закоулки своего парохода, по трапу сошел на берег и отправился в обычную прогулку вдоль берега, с улыбкой следя за неуклюже убегающими крабами и огромными морскими червями, выполняющими на острые прибрежные камни.

Мысли же капитана были в другом месте — там, где свинцовые, холодные волны с злым шипением лизали обледенелый берег низменного острова, где ждали смерти сосланные свободолюбивые и гордые женщины. Там, среди этих голых скал и льдов, осталась та, которую так полюбил он, скитающийся по белому свету, одинокий, не знавший ласки человек. Любовь пришла лишь для того, чтобы причинить ему страдание и заставить его, быть может, всю жизнь оплакивать девушку, им же самим доставленную на проклятый остров.

Но, думая об этом, моряк тотчас же поймал себя на том, что он не так боится за любимую девушку, как подсказывает ему это холодный рассудок. Вспомнил он и то, что за все последнее время он, хотя и часто, но как-то вскользь вспоминал о Разиной, словно разлука с ней мимолетна и что близко время встречи.

Седельников с недоумением пожал плечами и тщетно искал объяснение для своих ощущений. И опять знакомое и необъяснимое чувство внезапной и глубокой радости поднялось в его сердце, вызвало краску на его лице и улыбку на губах.

— Завоюю я свое счастье! — почти крикнул он, озаренный яркой надеждой. — Спасу тебя, любимую, дорогую...

И в порыве радости он протянул руки к югу, и перед его духовным взором предстало прекрасное, полное ума и большой внутренней силы лицо девушки. Он увидел ее во главе целого населения печального острова. Она шла впереди всех, и перед ней рушились все преграды, нагроможденные природой, не знавшей власти человека. Он увидел целые селения из маленьких домиков, над которыми вился дым, увидел трубы кузниц и мастерских и услышал отголоски кипучей деятельности и разумной трудолюбивой жизни изгнанниц.

Уверенность в спасении, вера в силу ума и воли тех, которых генеральное судилище изгнало из общества, росли в душе Седельникова, и он все более и более успокаивался, обдумывая план своих действий,

Он уже почти решил тотчас же по прибытии в Петербург постараться добыть денег на покупку собственного парохода и с грузом товаров отправиться вдоль западного берега Африки до мыса Доброй Надежды, откуда пройти к о. Гарвея и попытаться увезти оттуда на один из более северных, редко посещаемых островов, лежащих южнее Ауклендского архипелага, любимую девушку и всех, кого она пожелает взять с собой.

Конечно, моряк не льстил себя надеждой, что этот план легко осуществим. Он сознавал, что собрать капитал, нужный для приобретения дорогостоящего, современного судна, — очень трудная и сложная задача, но все-таки такое решение вопроса казалось ему наиболее разумным и выполнимым.

Размышляя о своем плане, Седельников незаметно дошел до противоположного берега острова, где недавно ван Гааген производил взрывные работы.

Вся местность была разрыта и исковеркана. Глубокие ямы и рытвины указывали на разрушающую силу динамита. Огромные глыбы базальтов и ноздреватого трахита, оторванные от массива острова, валялись повсюду, вся же мелочь, песок и небольшие куски были свезены к столам и

поступили уже в промывку.

Бродя среди этих глыб, напоминающих циклопические камни древнейших построек человечества, капитан сел на одну из них, и, вынув нож, начал выковыривать из темной пузыристой массы трахита включенный в нее кусок слюды.

Но это Седельникову не удалось, так как от всей глыбы отвалился вместе с засевшей в ней слюдой большой кусок, открывая пустоту с тремя огромными прозрачными кристаллами.

Кровь бросилась в голову Илье Максимовичу.

— Неужели? — мелькнула у него мысль. — Неужели это тоже алмазы?..

И Седельников начал осторожно, кусок за куском, песчинка за песчинкой, отделять кристаллы от удерживающего их трахита. Работа была нелегкая, и моряк сломал оба лезвия своего ножа, но все-таки кристаллы отвалились, и Илья Максимович, бережно опустив их в карман, быстрыми шагами направился к пароходу.

У себя в каюте он опустил кристаллы в стакан с водой, как учил всех узнавать алмазы голландец, и они заблестели тем живым блеском, какой не дан другим минералам.

Радостный крик вырвался из груди капитана, и он бежал на берег искать ван Гаагена.

— Слушайте! — сказал он голландцу. — Как вы думаете: могут ли быть в этой породе крупные алмазы?

— Непременно! — ответил ван Гааген, с изумлением смотря на взволнованного капитана. — Теория кристаллизации алмазов из лавы предвидит образование самых крупных кристаллов, и я дойду до дна океана, но найду такие крупные алмазы, о которых еще не слыхало человечество.

— Я думаю, что и я случайно нашел довольно крупные образцы алмазов! — нерешительным голосом сказал Седельников и протянул голландцу свою находку.

Тот лишь взглянул на них, замахал руками и начал кричать:

— Таких алмазов нет ни у одного государства! Каждый из них в три раза больше «Кулистана!» Это сокровище!

И долго после этого ходили по рукам эти прозрачные кристаллы и, преломляя солнечные лучи, вспыхивали горячими разноцветными огнями.

Когда, спустя два дня после этого случая, «Океан» быстро шел вдоль восточного берега Африки, к Красному морю, командир парохода мог уже считать себя очень богатым человеком и смело смотреть в будущее, сулившее ему так много борьбы и труда.

VIII.

«КАПИТАН СЕДЕЛЬНИКОВ»

Через полгода после плавания «Океана» с изгнанниками из Гамбурга вышел в дальний рейс огромный торговый пароход, на корме которого виднелась белая надпись: «Капитан Седельников».

Сам Илья Максимович вел свой пароход.

После доставки ван Гаагена в Голландию, капитан через три месяца получил известие, что группа капиталистов покупает его алмазы. Полученная им сумма представляла огромное состояние, позволившее Илье Максимовичу приобрести отличный пароход новейшего типа, нагрузить его разнообразными товарами, нанять опытную команду из людей, знавших все моря нашей планеты.

Выход «Капитана Седельникова» из гамбургского порта был целым событием. Толпы народа высыпали на набережную следить за быстрым ходом красивого судна, строившегося лучшими знатоками кораблестроения в Германии и находящегося теперь под командой Седельникова, — счастливица, случайно сделавшегося обладателем огромного состояния, равного капиталам нескольких мировых фирм, накопивших свои богатства веками предприимчивости и трудолюбия.

Илья же Максимович, стоя наверху высокого капитанского мостика, спокойным и уверенным взглядом смотрел на богатый город и целый лес пароходных труб и мачт на рейде. На фор-марсе у «Капитана Седельникова» висел темно-зеленый флаг с двумя ломаными линиями, — сигнал большого перехода.

На борту парохода, несшего в трюмах полный груз, кроме команды и офицерского состава, находилось около 400 человек пассажиров, отправившихся в северо-западные африканские порты, и двое гостей командира.

Один из них был старинный друг семьи Седельникова, старый профессор Залесов, известный химик и медик, взявший на себя обязанности судебного врача.

Его уговорил ехать с собой Илья Максимович, соблазнив старика новыми и еще неизведанными ощущениями, а втайне моряк страстно желал иметь возле себя во время тяжелой экспедиции к о. Гарвея этого преданного ему и всегда трезво мыслящего человека.

Другой — был молодой журналист, человек смелый, веселый и бесшабашный. Назывался он Григорием Михайловичем Жуковым. Имя его недавно прогремело по миру, так как этот безумно смелый человек совершил путешествие по образовавшейся в Северном Урале трещине.

Путешествие это отняло у молодого журналиста около двух недель, в течение которых он углубился на пять верст внутрь земли и попутно открыл нефтяное море с неиссякаемыми запасами нефти и горного воска.

С Седельниковым он был знаком давно, так как плавал с ним однажды в Бразилию, где оба они на шлюпке поднимались вверх по Амазонке, подвергаясь всем опасностям, подстерегающим людей в девственных лесах Бразилии.

Узнав о настоящей цели плавания «Капитана Седельникова», Жуков примчался к Илье Максимовичу и, шумно выражая свой восторг, умолял его взять с собой.

Для моряка такой товарищ представлял настоящий клад. Выносливый, безудержно смелый, находчивый и страстно любящий всякие опасности и приключения, Жуков мог пригодиться при разных обстоятельствах.

Илья Максимович в течение долгого плавания не переставал волноваться, и чем ближе был его пароход к южной оконечности Африки, тем сильнее становилось волнение и более жгучим и мучительным чувство нетерпения.

А между тем торопиться не приходилось. В Южном Ледовитом океане за полярным кругом еще свирепствовала зима и сплошные ледяные поля, безмолвные и пустынные, начинаясь на параллели островов Грагама, преграждали доступ к несчастным изгнанникам, отданным во власть

полярной зимы. Порой от этих полей и ледяных плоскогорий отрывались огромные айсберги и, подхваченные течением, величаво плыли к северу, как бледные призраки из логовища смерти, и медленно таяли у мыса Горн или у группы островов Бувэ.

Переживая это время вынужденного бездействия, «Капитан Седельников» бросал якорь у наименее посещаемых западноевропейских портов и вел торговлю с туземцами и заброшенными сюда судьбой и политикой европейцами. Пароход останавливался на о. Бисагосе, в либерийском порту Монровии, против устья Нигера, где от чернокожих племени гванду Жуков приобрел целый ящик, наполненный глиняными сосудами с ядами змей, пауков и тропических растений.

Заходил Илья Максимович на португальские острова До-Принчипе и Св. Фомы, распродал много тканей и эмалированной посуды итальянцам на Фернандо-По и Анно-Бон, был на берегу опасной своими невысыхающими болотами Лоанги, где змеи встречаются чаще, чем напуганные ими и истощаемые злой лихорадкой люди; посетил Бенгуэлу и Моссамедес, где распродал остатки своего груза, и решил дожидаться полярной весны в английском портовом городке Шепмансдорфе, лежащем почти на самом тропике Козерога.

Дойдя до этого порта и объявившись местным властям, Илья Максимович сдал команду своему старшему помощнику, а сам вместе с профессором Залесовым и Жуковым, взяв с собой трех матросов и проводника, решил совершить путешествие по Дамарскому хребту, отделяющему от Атлантического океана бесплодную землю готтентотов.

В описываемое время это племя почти уже было уничтожено. Причиной исчезновения этого некогда многочисленного и воинственного народа были болезни и тяжелые работы в угольных рудниках, расположенных в северной Намаке и принадлежащих германской фирме «Иоганн Коль и Генрих Маусс» — крупнейшему в мире в мире каменно-угольному предприятию. Земля готтентотов, разоренная и истощенная, не привлекла более культурных предпринима-

телей, а потому представляла совершенно неустроенную страну, где даже прежние колесные дороги и верховые тропы пришли в упадок, заросли кустами, высокими колючими кактусами и цепкой, вьющейся травой.

Все земли вымершего племени принадлежали теперь трем родам, ведущим свое начало от двух правящих династий вождей и от касты жрецов.

У Седельникова было намерение познакомиться с Дамарой, так как в эти пустынные места, в случае удачи, можно было доставить сосланных на о. Гарвея женщин.

Купив лошадей и взяв проводника-охотника из Гольдессы, Илья Максимович со своими спутниками двинулся от Шепмансдорфа на восток с тем, чтобы немедленно углубиться в Дамарские горы.

Путешествие по равнине, медленно, но неуклонно повышающейся и переходящей постепенно в каменистый хребет, не было интересным. Среди кактусов и кустов агав с твердыми, как кожа, листьями, попадались лишь змеи. Это были по большей части «тайты», родичи питона, неподвижные, ленивые змеи около четырех метров длиной с черными кольцами на серой, лоснящейся коже. Изредка в зарослях слышалось глухое, ворчливое грохотание, и тогда проводник пугливо жался к европейцам и шептал:

— «Пимхай» — гремучая змея... Сейчас выйдет!

Но змеи не выходили из зарослей и таились в них, напуганные шумом и разговором нескольких людей.

До самого Отиимбигуе путники не встретили ни одного селения некогда многочисленных и воинственных готтентотов. Зато картина разрушения была полная. Местами приходилось ехать в тесных ущельях среди гор, вся поверхность которых была превращена в сплошные холмы земли, перемешанной с угольной пылью или отработанной рудой. Кое-где зияли входы в давно заброшенные шахты. В них росли уже кактусы, плели сети красные пауки «Гайи» и гнездились большие зеленые ящерицы и маленькие, юркие змейки.

Вся местность носила следы напряженной, хищнической деятельности человека, была опустошена и обезобра-

жена. И тут же рядом с разрушившимися и сожженными прежними сооружениями, как бы искупительная жертва, виднелись длинные ряды холмов. Над некоторыми из них сохранились еще каменные и чугунные плиты или железные памятники. На уцелевших кое-где железных дощечках можно было прочесть имена погребенных под ними людей, умерших около ста лет тому назад. Здесь встречались, наряду с немецкими, французские, итальянские, испанские и английские имена.

Седельников думал, что эти люди приходили сюда, в страну бедных, темных туземцев, приносили с собой вырождение и смерть и, изрыв поверхность некогда цветущей страны, вынудив из нее все ее сокровища, умирали от сонной болезни, злой лихорадки, от укусов ядовитых насекомых и змей или от отравленных стрел и ножей доведенных до отчаяния дикарей.

Золото, как всегда, требовало жертв...

IX.

ПОДВОДНЫЕ ПИРАТЫ

Убедившись, что страна пустынна и не посещается европейцами, что было очень важно для планов Седельникова, путники, еще раз перевалив через Дамарские горы, через Гибсон и землю Людерица без всяких приключений вышли к берегу Атлантического океана и в Ангра-Пекена нашли уже «Капитана Седельникова», исполнившего приказ своего командира и спустившегося к югу.

Пройдя до порта Ноллоса, пароход делал здесь последние приготовления, снаряжаясь для полярного путешествия.

После недельной стоянки в этом малопосещаемом порту «Капитан Седельников» снялся с якоря и поплыл к мысу Доброй Надежды, откуда, взяв полный груз угля, направился к островам Бувэ, стараясь избежать встречи с крейсирующим в этих широтах сторожевым английским крейсером «Леди Гамильтон».

Однако, эта хитрость не удалась Илье Максимовичу и, не доходя 51-й-параллели, он увидел на горизонте дымки четырех труб военного судна, а вслед за этим приемный аппарат беспроволочного телеграфа начал выстукивать слова сигналов.

Крейсер «Леди Гамильтон» спрашивал, кто капитан судна и каково его назначение? Узнав, что судно идет на Бувэ и о. Эндерби, английский командир задал вопрос, зачем в эти пустынные области океана направляется русский пароход.

Илья Максимович, помедлив, ответил, что судно принадлежит частному владельцу и совершает научную экспедицию, желая проникнуть по возможности дальше в Южный Ледовитый океан.

— По международным морским законам, — протелеграфировал Илья Максимович, — мне никто не может препят-

ствовать совершать любой рейс, если только он не входит в черту военных действий какой-либо державы, чего, однако, в данном случае не наблюдается. Поэтому командир русского судна «Капитан Седельников» спрашивает командира английского крейсера «Леди Гамильтон», по какому праву он позволил себе такой допрос?

Телеграф начал уже давать сигналы ответной депеши с английского судна, когда в будку, где у аппарата находился Илья Максимович, вбежал вестовой матрос и, вытягиваясь перед командиром, доложил:

— Командира срочно просит вахтенный начальник!

— Опасность? — бросил вопрос Седельников.

— Так точно! Свистели всю команду наверх, — ответил вестовой.

Не теряя времени на расспросы, Илья Максимович быстро поднялся на мостик. Здесь стоял на вахте опытный штурман, плававший много лет между Архангельском и русскими портами в Беринговом море. Человек он был уже пожилой, всегда спокойный и сдержанный, а потому Седельников очень удивился, заметив на лице своего помощника и в его торопливых и непривычных нервных движениях сильное волнение и смущение.

— Что с тобой, Григорий Петрович? — спросил его Седельников и чуть не крикнул от удивления, увидев, что люди торопливо снимали чехлы с четырех расположенных вдоль бортов скорострельных динамитных пушек и подвозили к ним на маленьких тачках снаряды. — Да ты в уме ли? Уж не с английским ли крейсером ты намерен вступить в открытый бой?

— Это меня меньше бы пугало, чем то, что я увидел еще вчера, но сам своим глазам не поверил! — ответил, наклоняясь к самому уху командира, старый штурман. — Я не знаю, что это такое, но это — нечто страшное...

— Да говори ты толком! — вспыхнул Седельников. — Мямлит что-то, а главного не договаривает...

— Вот бинокль, — сказал Григорий Петрович, — и смотри внимательно на юго-восток!..

Седельников сел в кресло, облокотился на перила мостика и медленно осматривал море.

Близился вечер, и над морем бродили уже обманчивые сумеречные тени. Легкое волнение покрыло крупной рябью океан, и на гребнях невысоких плоских волн иногда колыхались тающие льдины, занесенный сюда ветрами и течением с юга.

И вдруг Седельников вскочил и чуть не выпустил из рук бинокль, но тотчас же овладел собой и опять стал искать чего-то на юго-востоке, среди однообразных волн и кусков ломающегося льда.

То, что он вновь увидел, глубоко поразило его.

Какое-то черное животное, ростом, вероятно, не больше среднего кита, непостижимо быстро несло в сторону английского крейсера.

Огромную, высокую волну поднимало это животное за собой и по временам вскидывало целое облако водяных брызг и белой пены.

— Как сильно ударяет хвостом это животное! — воскликнул Седельников.

— Это... не животное!.. — шепнул штурман. — Это подводное судно... Я его видел близко: оно пронеслось почти борт о борт с нами!

— Воскресший «Наутилус» под флагом капитана Немо, что ли? — засмеялся Илья Максимович. — Да ты, старик, видно, рома перелил в чай сверх меры?

Григорий Петрович раздраженно пожал плечами.

— Не время шутить, капитан! — сказал он сухим, деловым голосом. — Я вас предупреждаю, что мы находимся в непосредственном соседстве с каким-то судном, намерения которого нам совсем неизвестны. Какие меры необходимо теперь принять, — это будет зависеть от ваших распоряжений.

— Хорошо, хорошо! — ответил Седельников. — Я еще послезу за этим... судном или китом, как мне кажется.

Илья Максимович говорил это еще насмешливым тоном, но тайная тревога и непонятный страх перед неизвестным обитателем морской пучины закрались и в его сердце.

— Неужели же, — думал Седельников, — такому необыкновенному случаю, как встреча с каким-то почти сверхъестественным судном, суждено будет разрушить все мои мечты и надежды на спасение любимой женщины? Это было бы чудовищным!

И, все более волнуясь, он искал среди волн столб брызг и пены, но уже наступил вечер, и в темноте лишь маячили плывшие по течению Тралверта льдины, с тихим звоном рассыпавшиеся в мелкие иглы.

Посидев еще на мостике и подождав, пока мрак совсем не поглотил горизонт и море, причем на юго-востоке слабо виднелись огни и на мачтах английского крейсера, Седельников сошел вниз и уже направился в будку, чтобы сообщить по телеграфу на «Леди Гамильтон» о наблюдениях, сделанных его вахтой, как сверху раздался испуганный крик штурмана, звавшего командира.

В голосе Григория Петровича было столько страха, что Седельников, не раздумывая, опрометью вбежал на мостик.

Перед ним на расстоянии не более трех миль, как белое привидение, неподвижно стоял английский крейсер.

Два ослепительно ярких снопа белого света озаряли его от верхушек мачт до ватерлинии. Казалось, что он застыл в лучах этого света, проникающего повсюду и пробирающегося даже сквозь стальную броню крейсера.

Но вскоре вдоль борта вспыхнули красные огни, и грохот орудий густой волной докатился до русского парохода.

Почти одновременно с этим огни погасли; они теперь вспыхивали с разных сторон крейсера, а когда окончательно погасли, заработал телеграф в будке «Капитана Седельникова», и с «Леди Гамильтон» был дан сигнал об опасности и помощи.

— «Крейсер погружается! Помогите!» — дробно выстукивал аппарат. Ужас овладел Ильей Максимовичем, он едва держался на ногах от внезапно охватившей его слабости, но скоро пришел в себя, схватился за рупор телефона и командовал:

— Самый быстрый ход!

Повернувшись к штурвальным, Седельников кивнул головой в сторону еще недавно ярко горевших огней и бросил лишь одно слово:

— Туда!..

— Есть! — откликнулись рулевые, и пароход быстро повернулся на юго-восток.

— Сигнализировать с марса фонарями, что идем на помощь! — крикнул командир стоявшему внизу вестовому. — Зажечь прожектора!

— Без огней мы скорее подойдем незамеченными, — сказал старший штурман, подходя к командиру, — а так, кто знает? не бросятся ли эти подводные суда на нас? Лучше идти без огней...

Седельников не хотел спорить, хотя и не соглашался с Григорием Петровичем, не надеясь, что подводные лодки, если только были действительно они, а не какие-нибудь неизвестные еще чудовища полярных вод, — могли попасть на такую хитрость.

Однако, не желая усиливать чувство страха в команде, Илья Максимович приказал потушить даже боковые огни и сигнал на фок-мачте.

Полным ходом, содрогаясь от могучей работы машины, шел «Капитан Седельников» на помощь английскому крейсеру. В глубокой ночной тьме ярко выделялся ряд освещенных иллюминаторов левого борта.

Уже можно было различить отражение огней крейсера в воде, когда вдруг яркая полоса света прорезала тьму, на мгновение скользнула вдоль корпуса английского судна, метнулась в сторону и неподвижно легла на русском пароходе, сразу осветив его.

— Нас увидели, — шепнул Григорий Петрович и добавил: — Не послать ли канониров к орудиям?

— Людей к правобортовым пушкам! — скомандовал Седельников. — Держать на прицеле!

— Есть! — тотчас же откликнулся боцман правого борта. — Люди к правобортовым пушкам!

Прожектор, светящий откуда-то из-под воды, внезапно угас, но море вокруг крейсера озарилось сиянием. Черным,

бесформенным пятном казался корабль среди сияющей воды, но длилось это одно короткое мгновение, а вслед за этим оглушительный взрыв потряс воздух. Столбы огня, дыма и пара вскинулись под облака, в воздухе засвистели осколки железа и ударились о борт русского парохода высокая тревожная волна. На освещенной поверхности моря чернелись уродливые обломки крейсера, а среди них, рассекая волны и разрушая жалкие остатки судна, носились какие-то чудовища.

Высокие, могучие гребни, как тараны, вонзались в железо исковерканного остова и резали его, как ножами. Иногда у этих гребней вспыхивали и слепили глаза смотрящим на них прожекторы.

Два или три человеческих голоса услышал Седельников с моря. Это кричали утопающие английские моряки. Призывные, полные ужаса и тревоги голоса, однако, скоро умолкли.

Поверхность моря была чиста. Она еще светилась, и на ней виднелись два чудовища. Они стояли лицом к лицу с русским пароходом..

Гребни их выставлялись метра на два из воды, и яркие глаза бросали снопы ослепляющих лучей навстречу идущему судну.

Какая-то угрожающая осторожность и полное неожиданностей спокойствие были в этих подводных чудовищах.

— Застопорить машину! — крикнул командир.

— Переложить руль направо и выходить на прежний курс! — приказал он штурвальным.

— Есть! — ответили те и усердно завертели рулевым колесом, с радостью уходя от таинственных существ, так неожиданно вынырнувших из пучины этого пустынного, студеного моря.

Когда «Капитан Седельников» окончательно вышел на прежний курс и повернулся к неизвестным судам кормой, они, как волки, двинулись за ним.

Они шли в нескольких кабельтовах от него, и видно было, как разбивались волны и льдины об их могучие гребни.

У острова Эндерби Илья Максимович бросил якорь. Здесь был сложен на берегу запас угля, оставленного экспедицией португальского ученого Грацие-дель-Кальвадос.

Погрузивши уголь в трюмы, «Капитан Седельников» тронулся к югу и к вечеру пересек уже южный полярный круг.

Обойдя остров, пароход сразу вошел в зону почти сплошных плавучих льдов, но они были изломаны, искрошены, и пароход быстро двигался к югу, не встречая серьезных препятствий.

На трети сутки плавания от о. Эндерби полоса льдов сразу исчезла.

Море было открыто, но нигде не было заметно следов недавних страшных спутников. Они или вернулись на север, или погрузились вглубь океана.

Профессор мало интересовался судьбой «подводных разбойников», как он их называл.

— Не пустили нас ко дну, как эту бедную «Леди», и на том спасибо, — говорил он, — а теперь я о них не тоскую...

С термометром в руках он уже почти два дня не отходил от борта и все время измерял температуру воды.

Наконец, к вечеру третьего дня плавания он вошел в кают-компанию, где сидели и пили чай Седельников с журналистом, и сказал:

— Нет сомнений! Это непонятное, теплое течение с юга, которое считается заворотом бразильского течения, доходящего сюда на глубине моря, теперь легко объяснимо. Это — самостоятельный поток теплой воды, идущий с юга, от южного полюса...

— Что? — привскочил Седельников. — Теплое течение из области самых жестоких холодов, из страны вечной стужи и смерти!

— Да! — кивнул головой профессор. — Это странно и непонятно пока, но это, без сомнения, так! Чем ближе к полюсу, тем теплее становится вода этого потока.

— У меня нет готовых теорий происхождения полярного теплового течения, — продолжал профессор. — Но представьте себе такой случай, что Террор и Эребус вдруг бы про-

рвались, и лава из их кратеров непрерывным потоком лилась бы в море. Разве не стали бы таять льды и не создалось бы постоянное теплое течение с юга на север?

— Однако, — заметил Седельников, — как-никак, но должны были быть наблюдаемы какие-либо новые явления, а их-то и нет?

— Это не совсем так! — возразил профессор. — И я напомним вам о том же течении, происхождение которого так и осталось туманным, а затем о сияниях над горизонтом Антарктиды. Ведь они не совпадают с периодами полярных сияний и резко от них отличаются своим спектром? Но я не хочу утверждать, что на полярном материке совершается что-нибудь сверхъестественное, — мне только кажется, что напрасно так скоро сочли эту страну изученной и неинтересной...

На этом разговор прервался, так как прибежал вестовой и доложил, что на юге виднеется полоса земли.

Приближались к острову Гарвея...

Х.

НА ОСТРОВЕ ГАРВЕЯ

Нельзя описать волнение Ильи Максимовича. Хотя до едва заметной на горизонте земли было не менее четырех часов плавания, Седельников сменил вахтенного начальника и сам принял команду над своим пароходом.

Он приказал дать полный ход, расцветить сигнальными флагами все реи и салютовать острову из всех пушек.

Сквозь клубы белого дыма от выстрелов, стелющегося по спокойной поверхности океана, командир все отчетливее видел приближающуюся с каждым ударом винтов землю.

Ему казалось, что он видит уже высокий столб на берегу с надписью об острове ссылки и ждал, что так же, как было тогда, когда он покидал остров, кто-то подаст ему сигнал с берега.

Но земля приближалась, столб с черной доской был уже ясно виден в бинокль, но берег оставался пустынным.

Ни людей, ни поднимающихся к небу дымков жилищ не было заметно.

— Погибли... все погибли... — застонал моряк и долго с отчаянием смотрел на безжизненный берег.

Успокоившись немного, он послал матроса за профессором.

— Там все умерли... — шепнул он, указав рукой на землю.

Залесов молчал, а потом пожал плечами и сказал:

— Трудно было предположить иное... хотя, кто знает: быть может, они ушли вглубь острова, стараясь защищаться от резкого морского ветра... Не отчаивайся, однако, прежде времени! Сначала исследуем остров..

В голосе старого друга Седельников не услышал обычной уверенности и бодрости; видно было, что он сам мало верил в возможность спасения изгнанниц.

Пароход, между тем, быстро приближался к берегу.

Командир приказал еще раз салютовать, но и на этот раз на выстрелы никто не появился на берегу.

Был уже вечер, когда пароход отдал якорь у о. Гарвея, встав против знака, поставленного командиром английского крейсера. Седельников хотел тотчас же съехать на берег, но профессор задержал его.

— Тогда дайте мне что-нибудь снотворное, иначе я ночью брошусь в море... — угрюмым голосом сказал Седельников.

— Мы проведем время до восхода солнца вместе! — сказал ученый. — Посмотрим, что здесь делается в ночное время и послушаем. Иногда это бывает очень поучительным.

И, действительно, когда вся команда убралась на покой и на мостике остался лишь дежурный вахтенный, две черные, закутанные в шубы фигуры мерно шагали на баке. Это были командир и старый химик.

Оба молчали, и только изредка вспыхивали огоньки их папирос. На небе горели бледные звезды и тихо мерцали. Трещал на крепнущем к ночи морозе плывший лед и звонко ударялся о цепь якоря и железную обшивку парохода.

Была полночь, когда к шагающим по палубе друзьям подошел Жуков.

Он тоже был взволнован ожиданием, тревожился за судьбу изгнанниц и жалел Седельникова, горю которого он ничем не мог помочь.

Всю ночь, полную таинственных шорохов и голосов, ходили они по палубе, и плыли мысли нерадостные, тяжелые, как волны, лижущие борта парохода.

Когда же блеснули первые лучи бледного солнца, катер уже был готов, и его грузили лыжами, палатками, легкими санями, одеждой, припасами и оружием. На другом катере доставили аэросани и запас бензина.

Сдав команду над пароходом Григорию Петровичу, Седельников приказал на случай, если первая экспедиция не вернется через две недели, послать 10 человек команды на поиски.

Был восьмой час, когда пять человек, свезенных с «Капитана Седельникова» на берег, остались у столба с английской надписью.

Здесь были терзаемый нетерпением и тревогой Илья Максимович, спокойный и задумчивый профессор и всегда жизнерадостный, жаждущий приключений Жуков. Двое матросов, Иван Русинов и поморский рыбак Илья Нерпин, возились около саней, закладывая на них багаж и крепко-накрепко привязывая его.

Когда все было готово, Седельников подошел к аэросаням и пригласил всех занять места. Профессор и журналист сели сзади за Ильей Максимовичем, поместившимся у руля, а матросы взошлись наверх клади, сложенной на грузовых санях, прикрепленных к аэросаням прочной цепью.

Ровная снежная поверхность позволяла двигаться с значительной скоростью, и аэросани, гудя, быстро шли вперед, взмывая за собой клубы снега и мелких ледяных игл.

После получасового перехода Седельников внезапно остановил машину и спрыгнул на твердый снег.

— Я больше не могу! — крикнул он. — Мы прошли около 10 верст, и я нигде не заметил даже следов пребывания человека, ни складов, ни построек — нет ничего!

— Следы успели, верно, раз десять скрыться под снегом и льдом, мой друг, и в этом я не вижу ничего удивительного, — заметил Залесов. — Гораздо важнее второе обстоятельство... Возможно, однако, допустить, что несчастные ушли далеко от берега и увезли с собой все то, что столь предупредительно выгрузила для них международная эскадра. Вперед! Вперед! Еще есть надежда!

И снова над снежной пустыней за клубилась ледяная пыль, вздымаемая скользящими вглубь острова аэросанями. Равнина поднималась в гору, и двигатель работал медленнее и громче.

Близился перевал, и по мере того, как все яснее становились пологие горы, видневшиеся на юго-западе, росли волнение и беспокойство Ильи Максимовича. Он тщетно искал глазами каких-либо признаков пребывания здесь людей и ждал окрика призывного или радостного. Девствен-

но-белая, сверкающая в лучах раннего солнца равнина была молчалива и, казалось, ничья нога не топтала этого снега и ничей голос не нарушал тишины, родившейся тогда, когда из мрака хаоса выплывали, как неясные призраки, как туманности, целые миры.

Пальцы моряка впивались в кожу обшивки рулевого колеса, а взор бежал туда, к приближающимся горам, за которыми, быть может, нашли себе приют изгнанницы, а среди них она, любимая им девушка.

Подъем сделался круче. Пассажиры аэросаней и матросы, надев лыжи, отправились дальше пешком, а Илья Максимович начал быстрее подниматься в гору.

Около полудня путники собрались на вершине перевала.

Невысокий уступ закрывал теперь от них горизонт.

Седельников, оставив машину, бегом направился к голым серым камням, скользя по их обледенелым склонам.

Взобравшись на уступ, Седельников увидел внизу у подножия круто спускающихся к югу гор долину, со всех сторон окруженную горами.

На дне этой долины стоял город.

Длинные ряды больших и малых домов тянулись на пространстве двух или трех квадратных верст и были построены по радиусам большого круга с площадью в центре его.

Некоторые из домов напоминали те казармы, которые строятся на промыслах крайнего севера, где-нибудь на Камчатке или в Рок-Криппале на Аляске. Большинство же представляло собой отдельные домики, из которых часть наполовину ушла в землю.

Седельников долго смотрел на этот странный город, раскинувшийся на дне большой котловины, некогда, вероятно, представлявшей кратер вулкана, и ждал, трепетно ждал появления людей или дыма над крышами.

Он достал бинокль и приложил его к глазам.

И вдруг видевшие его снизу Залесов и Жуков заметили, как Седельников осел, словно под непосильной тяжестью, весь опустился и бесформенным, мягким комом покатился с уступа.

Когда к нему добежали, Илья Максимович лежал на снегу бледный и неподвижный, а из глубокой раны на лбу текла тонкая струнка крови.

Долго возились около Седельникова друзья его и матросы, пока не привели его в чувство!

— Там!.. там!.. они сгорели!.. — слабым голосом сказал, очнувшись, Седельников и снова закрыл глаза.

Залесов принял эти слова за бред и начал осматривать больного, пока матросы разбивали тройную палатку с печью, приспособленной для полярных экспедиций.

Журналист же, всегда любопытный и ищущий впечатлений и опасностей, направился на разведки, желая проверить вырвавшееся у моряка восклицание.

Профессор осматривал и ощупывал Илью Максимовича и вскоре убедился, что он не получил никаких серьезных повреждений и обмер, ударившись головой о камень или лед.

Когда больного принесли в палатку, раздели и уложили в постель, профессор строго-настрого воспретил Седельникову двигаться и разговаривать и дал ему сильное снотворное средство, погрузившее моряка в глубокое забытие и полное оцепенение.

Заметив это, профессор бесшумно вышел из палатки и, застегнув все полы ее, приказал матросам приготовить вторую палатку для остальных, так как слабость командира заставит их побыть здесь, вероятно, не менее двух дней.

Пользуясь одиночеством, ученый устроился в каюте аэросаней и начал приводить в порядок свои мысли и наблюдения, заноса самое важное в толстую записную книгу, с которой никогда не разлучался.

Между тем, в то же время молодой журналист уже достиг вершины уступа, венчающего перевал, и увидел горod, правильными секторами раскинувшийся на дне кратероидной котловины.

Не вдаваясь в подробные наблюдения, Жуков стал быстро спускаться с довольно крутых северных склонов перевала, пока не достиг равнины, по которой он быстро подвигался на легких, подшитых тюленьей кожей лыжах.

Мороз был не сильный, градусов около 40 по Цельсию, ветер сюда не доходил, и Жуков развил большую скорость. Пригнувшись как можно ниже к земле, он весь предался бегу и только чувствовал, как сильно ударяет ему в лицо воздух и обжигает кожу своим студеным дыханием. И только тогда, когда перед ним черными горами замелькали первые постройки, Жуков умерил свой бег.

Он не сразу пришел в себя от быстрого движения и, передохнув, с любопытством начал оглядываться.

Кругом стояли черные, закоптелые, полуразрушенные дома и глядели пустыми глазами на белый снег и на этого одинокого человека, бесстрашно проникшего сюда.

Дома были сожжены.

Седельников не бредил.

Какой-то стихийный пожар свирепствовал в этом деревянном и картонном городе и сделал свое злое дело.

— Что случилось? — скорее с любопытством, чем с жалостью спрашивал себя Жуков. — Как могли эти женщины, полные энергии и отваги, допустить уничтожение их города? Здесь были, вероятно, какие-то внешние и могущественные причины...

Ломая голову над этими вопросами, журналист решил войти в один из домов, лучше других сохранившийся. Это было длинное одноэтажное здание с целым рядом маленьких узких окон, обшитое сверх деревянного сруба войлоком и толстым картоном. В доме выгорела лишь правая сторона, левая же случайно уцелела.

Жуков вошел в обширную переднюю, где сразу же наткнулся на лежащее тело молодой женщины. Окаменевшее лицо с открытыми неподвижными глазами сохранило выражение последнего ужаса, и он передался журналисту.

«А вдруг это любимая Седельниковым девушка? — закопошилась где-то глубоко в душе тревожная и мучительная мысль. — Какое несчастье!..»

Он тронул лежавшую за руку. Рука была твердая, как камень. Полярный мороз превратил в лед, в скалу молодое, полное жизни тело.

Войдя в первую комнату, Жуков увидел четыре крова-

ти, на которых покоились вечным сном пожилые женщины.

Одна только, лежащая у входа в дом, видно, проснулась и хотела спастись, но смерть настигла ее, ужасом исказила лицо и сделала последний час ее более тяжелым, чем кончина старших обитательниц дома, захваченных смертью во время сна.

Страх погнал Жукова из этого дома мертвецов, и журналист почувствовал облегчение лишь тогда, когда он очутился на улице. Дома, сгоревшие и наполовину рухнувшие, обступили его со всех сторон и загадочно смотрели на него пустыми окнами, словно черепа — глубокими, безглазыми впадинами.

Чувство страха властно захватило Жукова, не раз оглядывавшего в глаза смерти и игравшего с ней. Он ясно ощущал, что таящаяся где-то близко опасность хочет броситься на него и наслаждается его страхом.

Он хотел бежать отсюда без оглядки, закрыв глаза и заткнув уши, чтобы не слышать кого-то, кто неминуемо ринется за ним в погоню.

Если бы вдруг из-за угла появилось легендарное чудовище, плод самого дерзкого воображения, Жуков встретил бы его криком радости. Ему, живому, было страшно в этом море безмолвия, в городе умерших, среди развалин, где витали бледные призраки погибших изгнанниц.

Но журналист овладел собой и решил осмотреть как можно больше, чтобы потом составить план действий и обо всем рассказать старому химику.

Жуков побежал вдоль широкой улицы, все время ускоряя бег и на ходу внимательно оглядываясь по сторонам. По мере того, как он пробегал по улицам мертвого города, у него не оставалось сомнения, что он весь подвергся разрушительной силе быстро промчавшегося пламени.

На улицах он не видел ни одного трупа, и только в одном месте, опершись о стену дома, стояла, как изваяние, старуха с развевающимися по ветру длинными седыми волосами. Очевидно, катастрофа разразилась ночью во время сна, и население погибло в домах.

Когда улица кончилась, перед Жуковым раскинулась равнина, на которой глубоким снегом были занесены все следы, если только они были оставлены населением погибшего города.

Имея слева от себя первые постройки, стоящие на окраине города, журналист решил обождать весь город, чтобы определить, был ли он весь охвачен пожаром или же огонь пощадил хоть часть его.

Он пробежал около двух верст и в стороне от построек заметил на склоне холма ряд правильных возвышений, расположенных уступами вдоль холма.

Любопытство заставило журналиста направиться к этим странным холмикам, наводящим его на грустные предположения.

Холмики были покрыты смерзшимся снегом и узнать, что находилось под ним, было невозможным.

Жуков хотел уже отправиться назад, как вдруг заметил между двумя возвышенностями сверкнувшую на солнце желтую доску.

Он подошел и вздрогнул.

На чисто выструганной доске была сделана надпись:

«Здесь погребены жертвы ноябрьской катастрофы, числом 3000».

У Жукова не оставалось сомнений, что какие-то стихийные катастрофы навещали этот проклятый, заброшенный культурным человечеством в страну смерти и ужаса город и что пожар, опустошивший его, довершил круг бедствий, уничтоживший изгнанниц.

— О, проклятые лицемеры! — крикнул Жуков и угрожал кому-то ненавистному кулаком. — Убийцы! Изверги!..

И с этими словами он пустился назад к городу.

Он долго блуждал по мертвым улицам, заглядывая в более обширные дома, но в них, кроме трупов молодых и старых женщин, он ничего не находил.

Не было сомнений, что несчастное население города вымерло.

Жуков, не оглядываясь и чувствуя за собой погоню безумного, жестокого ужаса, побежал к лагерю своих товари-

щей.

Через два часа, когда солнце брызнуло кровью на снега и льды и гигантским шаром медленно утонуло в море, журналист при помощи брошенной ему веревки взобрался на склоны старого кратера.

— Какой ужас, какой ужас! — повторял он, указывая Залесову на юг, где остался безмолвный, таящий неведомую смерть, сгоревший город.

— Не время ужасаться! — почти грубо воскликнул старый химик. — Не предаваться своим ощущениям нужно теперь, а действовать быстро и решительно...

— Что здесь случилось? — спросил журналист, хватая за руку профессора. — Как чувствует себя Седельников?

— Он, к счастью, еще спит! — сказал Залесов, — а нам надо сейчас же посоветоваться, что делать. Во время вашего отсутствия произошло важное событие. Один из матросов, обходя на лыжах местность, нашел в углублении почты записку.

— Записку? — крикнул Жуков.

Залесов протянул ему маленький клочок бумаги с несколькими беспорядочно набросанными словами:

— «Я не знаю... Найдете ли вы нас... Мы гибнем тысячами... Они снова идут к нам... Они...»

Так писал автор заметки по-русски.

— Это она написала? — заметил шепотом Жуков.

Профессор пожал плечами и молча кивнул головой.

Журналист начал рассказывать подробно о том, что видел он в городе мертвых. Во время его разговора полы палатки откинулись, и в них показался Илья Максимович.

Он был бледен и в белой повязке на голове казался выходящим из гроба.

Он слышал рассказ Жукова, и тому ничего другого не оставалось, как докончить описание сгоревшего города и обширного кладбища за ним.

— Не видели ли вы следов каких-нибудь существ? — спросил профессор и схватился за голову.

— Нет! Я схожу с ума! — воскликнул он. — Какие могут быть здесь существа, когда даже полярные птицы и рыбы

появляются здесь лишь в короткие летние месяцы. Нет! Это бред....

Волнение профессора передалось Седельникову.

Глаза его вспыхнули тревожным огнем, и задрожали побледневшие губы.

— Ты зачем об этом спросил? Почему так волнуешься?? — бросал он вопросы. — Говори все! Я перенесу самую тяжелую весть, но я должен все знать... Все...

Профессор переглянулся с Жуковым и, найдя в его глазах ответ, вынул записку и отдал ее моряку.

Седельников долго всматривался в этот клочок с криковыми, беспорядочными строками, нахмурил брови и усиленно соображал что-то.

— Эту записку писали мне... — шепнул он. — Но кто эти «они»? Не бред ли это? Не призраки ли, являющиеся больному воображению? Почему так далеко от города была брошена записка?

Но на эти вопросы никто не мог дать ответа.

Уже совсем стемнело, когда они молча вернулись в палатку обогреться и отдохнуть перед завтрашним днем, так как было решено спуститься в долину, обследовать город и найти причину пожара и гибели города.

Когда после ужина в палатке погасили свет, вдруг затихший Седельников пронзительно крикнул:

— Скорее, скорее огня! — кричал он.

И когда вспыхнул фонарь, Залесов и Жуков увидели его встревоженное, перекошенное лицо.

— Помните? Помните? — спрашивал он, в волнении разводя руками и хватаясь за горло. — Дневник Тоультона Гренгмута? Дневник Гренгмута... Он тоже видел кого-то... он их звал... и погиб необъяснимой, загадочной смертью... Это ужасно!..

Все молчали, пораженные упоминанием об этом событии, давно уже позабытом.

ХІ.

ПОЛЯРНОЕ СУЩЕСТВО

На другой день с утра трое друзей двинулись в путь.

Лагерь остался на прежнем месте, а матросам было приказано далеко не отлучаться и в случае какой-нибудь опасности давать сигналы выстрелами.

Через город прошли быстро, нигде не останавливаясь, на чем особенно настаивал профессор Залесов, боявшийся за Илью Максимовича, волнение которого росло с каждым часом.

Мучимый тревожными мыслями, навеванными короткой запиской с полными страха и растерянности словами, Седельников не находил минуты покоя. Его гнало все дальше и скорее, и он не знал: надежда или отчаяние принуждают его бежать к какому-то неведомому концу. Трое людей, завернутых в меха, как привидения или звери, чующие за собой погоню, безмолвно мчались по мертвому городу, оставляя за собой лишь узкий след лыж.

Профессор, однако, поспевая за своими молодыми спутниками, упорно думал о том, где начать свои поиски оставшихся в живых женщин.

— Город для нас бесполезен! — соображал Залесов. — Не в нем жили те, о которых так непонятно упоминалось в записке... «Они» пришли потом... после того, как на кладбище за городом выросли три тысячи могильных холмов... Но кто «они»?.. Люди? Звери? Призраки страшной полярной ночи?

Ответа не было. Это раздражало ученого. Его ум, привыкший к созданию гипотез и научному их разрушению, не мог найти ни одного признака, на котором можно было бы основать какое-либо предположение...

Когда город окончился, а впереди виднелось лишь кладбище, профессор крикнул бегущим перед ним товарищам,

что надо остановиться и посоветоваться о дальнейших действиях.

— Нам надо разделить! — сказал химик. — Каждый из нас должен исследовать часть равнины, идущей от города до противоположных склонов кратера. Я возьму на себя лежащий прямо передо мной участок с кладбищем. А вы исследуйте восточную и западную части. Сборный пункт — вот у того пика!

С этими словами Залесов указал палкой на остроконечный зубец, высящийся над лежащими к югу горами, окаймляющими ледяным кольцом долину с мертвым городом.

С той же поспешностью все трое принялись за рекогносцировку. Вскоре все они маленькими черными точками виднелись на снежном покрове.

Профессор Залесов, добежав до первых могил, остановился. В нем боролись два чувства: уважение к мертвым и страстное желание разрыть могилу и исследовать причину смерти, вызванной первой катастрофой, случившейся в городе изгнанниц. Он уже вытаскивал из-за пояса топор, но одумался и, затыкая его обратно, проворчал:

— Предположим, что я узнаю причину смерти, но кто... «они»? Их-то и надо отыскать!..

Ворча и по привычке рассуждая вслух, старый химик медленно взбирался вверх по пологому холму, откуда, вероятно, открывался вид на значительную часть равнины. Подъем был труден, и старик устал.

Взобравшись наверх, Залесов убедился, что спуск не будет крутым и решил отдохнуть немного.

Он опустил на снег и начал в бинокль осматривать равнину, без всяких неровностей идущую вплоть до каменной гряды на юге. Безмолвие и неподвижность властно царили здесь, и глаза быстро уставали от раскинувшейся унылой и однообразной белизны снега.

Однако, когда Залесов собрался начать спуск, ему показалось, что он слышит какое-то гудение, быстро усиливающееся и приближающееся в его сторону.

В молодости Залесов в качестве врача бывал на войне, и это характерное гудение напомнило ему приближение

летающего снаряда крупного орудия.

Профессор откинул меховой капюшон и слушал.

Это не был обман чувств. Густое, усиливающееся с каждым мгновением гудение приближалось. Не прошло и двух секунд, как что-то невидимое, дико ухнув и загрохотав, промчалось вблизи, обдав ученого ледяной пылью и пахнув на него ветром. Залесов стоял, как ошеломленный.

Не было сомнения, что пролетел откуда-то пущенный снаряд. Залесов нагнулся, чтобы поднять выпавшую из рук палку, и только тогда все понял.

Гудевший предмет не летел по воздуху, а скользил по снегу и его узкий, длинный и прямой, словно проведенный по линейке, след шел по равнине, насколько хватал взгляд.

Профессор решил поделиться своими наблюдениями с товарищами и быстро направился в сторону находящегося ближе от него Седельникова.

На бегу он делал знаки и палкой и руками и, наконец, обратил на себя внимание моряка. Тот остановился, посмотрел в сторону профессора и начал быстро к нему приближаться. Встретившись, они подождали, пока из-за уходящих к югу отрогов холмистой гряды не показался Жуков, а потом начали кричать и махать руками и палками, привязав к ним шарфы.

Журналист в ответ поднял обе руки и по своей привычке, низко пригнувшись к земле, побежал к ним.

Но на полпути он замедлил бег и, описав большой круг, остановился и начал внимательно рассматривать снег.

— К нему! К нему! — крикнул старый ученый и побежал к журналисту, сильно отталкиваясь палками от твердого, как лед, крепко смерзшегося снега.

Когда профессор с Ильей Максимовичем добежали до Жукова, тот даже не взглянул на них, весь погруженный в рассматривание загадочного следа, тянувшегося через всю долину.

— Видите? — шепнул он, указав пальцем на снег.

— Я видел уже... — сказал Залесов и рассказал о случае с промчавшимся недалеко от него снарядом.

— Надо идти по следу! — крикнул Седельников. — Ведь приведет же он нас куда-нибудь!

Не расходясь и держа в карманах своих меховых курток заряженные дальнобойные магазинные револьверы, трое путешественников направились к югу, все время придерживаясь следа, ровно, как стрела, протянувшегося с юга на север.

Казалось, что какой-то гигант сделал ножом глубокий разрез по мягкой поверхности долины.

Не разговаривая друг с другом, занятые своими мыслями, бежали путешественники, горя единственным желанием увидеть конец таинственного следа.

Когда они были у подножия гор, то заметили, что след идет зигзагами, обходя неровности грунта и сползшие с гор льдины и снеговые лавины.

— Так мог идти... человек! — сказал Жуков и вдруг замахал руками и начал кричать, стараясь одновременно уменьшить быстроту своего хода.

Наконец, он остановился и сказал, указывая на кучу больших льдин:

— Там!.. Там, я видел, как что-то двигалось...

С револьверами в руках они тихо обогнули нагроможденный обвалом лед и остановились, как вкопанные.

То, что они увидели, показалось им сном, бредом. Они протирали глаза и в недоумении оглядывались, с каким-то суеверным страхом смотря перед собой.

Между льдинами лежало живое существо.

Оно походило на человека и было защищено от холода толстой, напоминающей сукно тканью.

Путешественникам казалось, что они видят перед собой уродливого старого карлика из сказок. Огромная голова, покрытая редкими седыми волосами, голова без глаз, со лбом, нависшим над крошечным сморщенным лицом, с трудом держалась на тонкой прозрачной шее. Такие же тонкие руки были прозрачны, и сквозь них виднелись просвечивающиеся кости. Казалось, что какое-то студенистое полурастение, полуживотное, по странному капризу природы, случайно приняло внешнюю форму человека.

Однако, это было высшее существо, подобное, а, может быть, и совершеннее человека.

На одной ноге, крепко привязанная к обуви, блестела металлическая коробка с целым рядом вертящихся колес, у другой же были лишь обрывки ремней. Из коробки еще выходил пар и слышались тихие взрывы.

Все поняли, что один из двигателей вырвался из-под ноги этого необыкновенного существа и умчался куда-то в пространство, оставив на снегу тот след, который завел сюда путешественников.

Безглазое существо было живо. Оно медленно дышало, по временам широко, как умирающая рыба, раскрывая беззубый рот, и старалось подняться.

Путешественники, ничего не понимая, смотрели на этого уродца и вдруг почувствовали, что эта отвратительная, безглазая голова пристально на них смотрит. Они ощущали на себе его тяжелый колючий взгляд, но ничего, кроме темных пятен под нависшим лбом, не нашли на этом безобразном лице. И вдруг урод шевельнул рукой и приложил ее ко лбу, повернув голову в сторону гор. Потом он махнул на юг рукой и снова сделал попытку встать.

Профессор приблизился к нему и помог ему подняться, но лишь только он оставил этого маленького уродца, не выше аршина ростом, тот беспомощно опустился на снег, причем на его сморщенном лице появилось выражение боли.

— Понесем его туда, — предложил Жуков тихим голосом и кивнул головой в сторону гор.

— Сейчас! — ответил Залесов. — Я только запишу все, что мы увидели, в мою книгу. Если мы пропадем, как те несчастные, пусть другие люди разгадают когда-нибудь тайну этого существа.

Когда профессор окончил свои заметки, журналист и Седельников бережно подняли карлика и, уложив его на одно из захваченных одеял, понесли.

Карлик молчал, но, когда путешественники останавливались, он нетерпеливо разводил руками и показывал на юго-восток, где гряда гор прерывалось узким и извилистым ущельем...

— Он нас ведет! — шепнул Седельников. — Он зрячий!..

Что-то властное было в движениях карлика, и утомленные большим и быстрым переходом путешественники снова шли вперед в сторону ущелья.

Углубившись в него, путешественники увидели круглую невысокую башню; при виде ее лицо карлика оживилось, и он быстро замахал руками и задвигал ртом, словно хотел сказать что-то очень важное. Башня была похожа на маяк. На южной стороне ее была дверь, открыть которую мог только карлик, знавший секрет замка.

Внутри была подъемная машина с ярко освещенной кабиной.

Толстые стекла, покрытые чуждым взору европейца и замысловатым рисунком из ломаных линий, составляли стены кабины.

Ламп не было, но светились все предметы, излучая яркий и приятный свет. Мягкая мебель, странная по форме, приспособленная скорее для лежачего положения, чем для сидения, была покрыта тонкой шелковистой материей голубоватого цвета; такой же ковер, мягкий и толстый, покрывал весь пол.

Карлика положили на диван, а он движением руки тотчас же пригласил всех войти, три раза поманив их рукой и изобразив на своем уродливом лице улыбку.

Залесов колебался войти и смотрел с тревогой на Седельникова.

Жуков не сводил беспокойных глаз с капитана, а когда тот решительным шагом вошел в кабину, счастливая улыбка озарила его лицо, и он вскочил вслед за ним, оглянувшись на Залесова. Старый ученый, записав что-то в книгу, оставил ее на снегу и спокойно уже вошел следом за товарищами.

Когда за ним захлопнулась дверь, кабина вздрогнула и, постепенно ускоряя движение, скользнула вглубь земли.

Профессор и Седельников молчали, а Жуков, подойдя к карлику, пытался заговорить с ним, но уродец только слабо качал головой и беззвучно шевелил ртом.

ХП.

В ПОДЗЕМНОЙ СТРАНЕ

Когда кабина остановилась, карлик, все более и более теряющий силы, головой указал на блестящую рукоятку, находящуюся над его диваном.

Стоявший ближе других Седельников повернул рукоятку, и тотчас же послышалось скрежетание железа и чьи-то тяжелые шаги по металлическому помосту. Дверь кабины быстро распахнулась и из темноты сверкнули зелеными огнями два больших, неподвижных глаза.

Путешественники в ужасе отшатнулись и схватились за револьверы, но карлик протянул вперед руку и очертил ей в воздухе широкий круг.

Глаза сразу потускнели, и чудовище, грузно ступая, вошло в кабину.

Седельников и Залесов стояли, не двигаясь, и только Жуков, ранее товарищей овладев собой, с любопытством разглядывал чудовище..

«Кого оно мне напоминает?» — думал журналист и старался восстановить в памяти какой-то давно забытый образ. И вдруг вспомнил.

Это было давно. Тогда он сопровождал богатого сумасброда в кругосветном путешествии в качестве человека, знающего несколько иностранных языков.

Они блуждали по одному из островов Малайского архипелага, и там он видел это. На отмели лежал утонувший малаец, ловец жемчуга, а над его бронзовым телом поднялся на толстых, как стволы дерева, щупальцах гигантский спрут. Он обхватил уже человека и медленно тащил его на глубину. Появление людей привело его в бешенство. Спрут замер в напряжении своих чудовищных мышц, а наверху, над небольшим мясистым телом, злым фосфорическим огнем загорелись глаза.

Таково было и явившееся на зов карлика чудовище.

Казалось, что его тело и особенно конечности сплетены из крепчайших канатов; мускулы двигались, напрягаясь и выпячиваясь под гладкой кожей.

Грудь необъятной ширины и желудок лежали на четырех могучих основах, оканчивающихся длинными и очень подвижными пальцами.

На этой груди мускулов могучего животного едва заметно выделялась голова. Плоская, с срезанным, круто падающим назад лбом и прямым затылком, переходящим в сильную шею, она была не более кулака взрослого человека, и если бы не вспыхивающие иногда глаза, ее можно было бы не заметить.

Чудовище, тяжело ступая, подошло и, поднявшись на задние ноги, передними взяло карлика и, повернувшись, вынесло его из кабины.

И снова в темноте сверкнули зеленые глаза, и новое чудовище, еще более грузное и страшное, бережно подняло профессора и понесло куда-то в мрак.

Два других подхватили Седельникова и Жукова и, мерно раскачиваясь, направились с ними вслед за ушедшими.

Первое время всем было жутко. Чувствовалось, что достаточно небольшого усилия этих могучих рук, и под их напором погнутся и затрещат кости людей.

Но чудовища шли осторожно и бережно несли свою ношу.

Немного освоившись с своим положением, Жуков, нагнувшись к маленькому уху чудовища, начал произносить разные слова.

Животное глухо бормотало, но и в этих рокочущих и хриплых звуках можно было уловить правильное чередование различных слогов.

— А ведь с этими милыми зверьками я, кажется, разговарюсь! — весело крикнул Жуков и добродушно похлопал чудовище по плечу.

Длинный и темный тоннель заканчивался крепкой дверью. За ней перед глазами путешественников открылась обширная равнина. Конца ее не было видно, она уходила далеко, сливаясь с горизонтом, и только кое-где тянулись

кверху тонкие колонны и терялись в вышине под сводом, дом, невидимым в волнах струящегося отовсюду фиолетового света.

Недалеко с шумом и плеском бежала река; когда же путники подошли к ее берегу, — на них пахло жаром. Вода была горяча и местами даже кипела.

— Вот вам и объяснение течения с юга на север! — воскликнул изумленный профессор.

Несколько дальше река извивалась в широкую трубу и уходила под землю. По обоим берегам реки раскинулись леса.

Профессор хотел подойти ближе и познакомиться с растущими здесь, под южным полярным морем, природами, но в это время бесшумно подкатился длинный, блестящий цилиндр с окнами из толстого граненого стекла.

Чудовища открыли дверь и внесли туда карлика. За ним, повинаясь его жестам, вошли и поместились на удобных сиденьях Залесов, Илья Максимович и окончательно повеселевший журналист.

— Здесь даже существуют таксомоторы! — пошутил он.

Экипаж быстро тронулся в путь. В окнах мелькали леса, озаренные приятным для глаз фиолетовым светом, с глубокими тенями, залегшими под раскидистыми верхушками деревьев и между толстыми их стволами.

— Мне кажется, что это сигиллярии с их метелками на вершинах и напоминающие наши обыкновенные плауны — древние каламиты. Если это так, то я опасаюсь, что в этих лесах сохранились еще гиганты из мира животных.

Быстрый ход экипажа не позволял подробно рассмотреть местность.

Когда движение прекратилось, карлик, с трудом передвигаясь, подошел к каждому из путешественников и подал им маленькие пластинки с проведенными от них проводочками к такой же пластинке, укрепленной на лбу карлика. И тотчас же все они услышали тихий, приятный голос безобразного уродца, нет, не услышали, а почувствовали звуки его голоса...

Он говорил:

— Вы спасли мне жизнь! Я бы замерз на земле, так как из-под ноги у меня вырвался мотор и я сильно ушибся! Теперь вы — мои гости, и я буду рад, если вам здесь понравится.

Не успели друзья прийти в себя от изумления, как дверь экипажа открылась, и они увидели, что стоят у подножия великолепной лестницы.

Широкие ступени ее были сложены из толстых плит лунного камня и окаймлены по сторонам легкой решеткой из аквамаринов с тонкой гранью колонок.

Карлик шел впереди, поддерживаемый профессором, с любопытством озирающимся по сторонам.

На верхней террасе их встретили такие же чудовища, какие раньше на берегу кипящей реки несли их на руках.

Они упали ниц перед уродцем, а он остановился над ними, и тотчас же у него задрожали тщедушные руки и жадно начали шевелиться губы.

В огромном зале, куда ввел своих гостей карлик, был тот же фиолетовый свет, но, проходя через стены, построенные из плит разных минералов, он изменял оттенки и делал еще более фантастическим и прекрасным этот дворец.

Невиданные никогда растения, похожие на латании и кентии, но с красными листьями и гроздьями золотистых цветов, распространяющих одуряющий запах, образовали в углах живописные группы; колонны из хризобериллов, желтых топазов и аметистов, с капителями из золотых змей и ящеров, бьющихся из-за гигантских жемчужин, поддерживали легкий, из горного хрусталя свод, небольшими гранеными полуциркулями уходящий в высь, где он и терялся. Карнизы зала были сложены из пластин слюды и скованы кольцами бирюзы.

Повсюду стояли причудливые диваны и кресла и пестрели мягкие подушки, набросанные на толстые, пушистые ковры.

При помощи своих пластинок карлик просил гостей распорядиться всем домом и, сказав, что вскоре вернется, удалился.

Друзья начали совещаться. Было решено всеми доступными способами узнать, не находятся ли здесь плененные женщины, изучить, насколько возможно, загадочных обитателей полярных подземелий и их жизнь.

— Однако, сказал Жуков, — я чувствую голод...

Он подозвал к себе чудовище, стоящее у двери, и знаками показал ему на рот.

Низко поклонилось страшное существо, и только лицо его перекошилось от ужаса и сверкнули ненавистью глаза.

Чудовище быстро пошло к двери, но в это время вошел карлик. Он шел бодрым и уверенным шагом, и казалось невозможным, что его тщедушное тело выдерживает на себе огромную и тяжелую голову.

— Вы не хотите ли подкрепиться?! — спросил он, соединившись с пластинками своих гостей.

— О, очень! — сказал Жуков за всех.

— Прошу вас следовать за мной!

В большом круглом зале он пригласил их сесть в глубокие кресла и помог им надеть на лица стеклянные маски с трубками, заходящими в стену.

— Отверните краны, — сказал карлик, — и нажмите педали у кресел!

Профессор Залесов, который записал свои ощущения, так говорил:

— Я почувствовал, что в меня вступает извне новая и могучая сила. Голод и жажда исчезли. Исчезла усталость. Я чувствовал себя обновленным!

По мере того, как друзья вдыхали в себя воздух, идущий по трубкам маски, глаза их начинали блестеть и быстрее двигалась кровь.

— Что это такое? — спросил Седельников.

— Вы приняли порцию живой энергии, — пояснил карлик. — Потерянную часть своих сил вы восстановили и, таким образом, обновили организм, не заставляя его усиленно вырабатывать все те вещества, которые при таком питании представляются бессмертными и служат лишь местом для хранения нужной энергии.

— Но откуда берете вы эту живую энергию? — спросил ученый.

— От «рамисов», — сказал карлик. — От тех существ, которые служат нам, работают для нас и питают нас. Вот, посмотрите!

С этими словами карлик открыл окно в стене, и когда Залесов заглянул в него, то увидел несколько знакомых уже чудовищ, оплетенных сетью тончайших проволок, концы которых входили в трубки масок.

Рамисы лежали на белых столах, бледные, изможденные. Их могучие мышцы ослабли, и тяжелыми веками были закрыты глаза. Они едва заметно дышали.

— Они окрепнут! — успокоил профессора карлик. — Им дадут сейчас их любимую пищу, и они снова будут готовы для питания нас...

Карлик водил гостей по дому и показывал им свои владения.

Это был великолепный дворец, построенный им из драгоценнейших минералов; сказочная окраска и блеск их увеличивались от негаснущего, тихо льющегося света.

Посреди дома находился обширный бассейн из ляпислазури, украшенный по углам золотыми группами бьющихся игуанодонов с ихтиозавами.

— Эти чудовища живут еще в здешних водах и лесах? — спросил ученый, наклоняясь над хозяином и прикладывая разговорные пластинки к своему лбу.

— Нет! — тотчас же ответил карлик. — Они давно уже истреблены нами... Теперь остались только птицы и разные черви, но вы их увидите дальше.

Одна часть великолепного дворца была отдана под обширный сад. Здесь среди роскошной растительности, целого моря цветов и высоких трав порхали птицы. Они были меньше колибри. Пестрые комочки, яркие искорки носились среди листьев и цветов, гоняясь за мошками, которые светящимся облаком толклись над растениями или вспыхивающими точками носились по разным направлениям.

Карлик незаметно покинул своих гостей, и они вышли из дворца.

Ровными квадратами шли поля, засеянные пшеницей. Колосья ее были в несколько раз больше самых лучших пород зерновых хлебов, и когда Седельников захотел сосчитать зерна, то это ему не удалось. Досчитав до 300, он бросил колос на землю и полным нетерпения голосом воскликнул:

— Надоело! Что же мы будем делать? Так вот и станем все время ходить, а когда же действовать?

— Подожди! — ответил химик. — Дай осмотреться, дай сначала понять, как сложилась здесь жизнь, чтобы знать, в какую сторону направить наши поиски...

Они приближались к лесу. Профессор радовался, что любопытство его будет удовлетворено, и он изучит флору полярных подземелий. Но он ошибся в своих расчетах.

На самой опушке к ним подошел огромный рамис и, поднявшись, как медведь, на ноги, руками указывал путь обратно.

— Что, дружок? — спросил его Жуков и протянул ему руку.

Рамис осторожно взял ее, подержал и, повернув журналиста лицом к дому карлика, слегка толкнул его в спину.

— Нельзя? — спросил журналист, всем лицом своим и фигурой изображая вопрос.

— Огэ-э! — заворчал рамис и, скосив глаза на лес, сверкнул ими.

— Он кого-то ненавидит! — воскликнул Жуков.

— Мне кажется, что он кого-то боится... — поправил товарища Илья Максимович.

— Я думаю, что это вернее... — задумчиво произнес старый профессор.

— Попытаюсь-ка я с ним разговориться! — засмеялся журналист и, вынув из кармана кусок шоколада, часть его положил в рот, а другую протянул рамису.

Тот завертел его в руках, понюхал, а затем осторожно отправил в рот, шумно разгрызая его могучими челюстями. На его тупом лице показалась улыбка удовольствия. Он

подошел, поднял Жукова и прижал его к груди, ласково ворча.

Журналист протянул ему еще один кусок и сказал:

— Кушай, милый, на здоровье!

Профессор и Седельников не могли удержаться от смеха, и на лице рамиса блуждала тупая улыбка.

Когда все направились обратно ко дворцу карлика, рамис повернулся на своих могучих четырех лапах и заковылял по тропинке, вьющейся среди полей.

Жуков остановился, посмотрел ему вслед и, незаметно отстав от товарищей, юркнул в густую пшеницу и притаился. Только тогда когда профессор и Седельников скрылись вдаль, он вышел и побежал догонять рамиса.

— Эй, ты! тс-тс!!! — кричал и свистел на бегу журналист.

Рамис неуклюже повернулся, и на его лице отразилось недоумение.

Жуков протянул ему кусок сахара и, положив ему на спину руку, сделал несколько шагов вперед.

Рамис нерешительно пошел за ним, но вскоре нерешительность его исчезла, и он радостно посматривал в лицо Жукова, неуклюже переваливался рядом с ним, идя по знакомой ему дороге.

«Если он заведет меня в укромное место и попытается напасть на меня, — думал журналист, — тогда я испытаю на этой груде мяса и костей мой новый револьвер. Не думаю я, чтобы это милое создание выдержало удар разрывной пули, начиненной основательной порцией динамита». И он бодро шагал рядом с рамисом, предвкушая остроту новых приключений, которых так страстно ждал этот беспокойный человек.

ХІІІ.

СЛУЧАЙНОЕ ОТКРЫТИЕ

Убедившись, что Жуков отстал от них, Илья Максимович и Залесов мало беспокоились о нем, зная его смелость и находчивость в самых опасных положениях.

В зале их встретил карлик. Он, видимо, чувствовал глубокое почтение к старому химику. Длинная седая борода ученого, его высокий рост и сверкающие очки на горбатом носу внушали карлику уважение, и он заметно льнул к старику, стараясь угодить ему.

Теперь, взяв его за руку и поднимая к нему свое крошечное личико, придавленное громадой черепа, он вел его куда-то вглубь дворца, забыв о Седельникове, который в нерешительности, сжигаемый тревогой и отчаянием, стоял за группой растений у прозрачной стены и смотрел на раскинувшуюся перед домом панораму.

На полях кое-где копошились рамисы. По дальней дороге один за другим мчались знакомые уже блестящие цилиндры. Фиолетовый свет тихо струился отовсюду, и в его мягких, ленивых лучах казалась черной неподвижная стена леса.

Оставшись один, Илья Максимович начал ходить вдоль зала и ломал руки, стараясь найти какой-нибудь способ для начала действий.

Рамисы ничего не понимали, и только Жуков надеялся с ними разговориться. Спрашивать о похищенных с поверхности земли женщинах карлика Илья Максимович боялся из опасения возбудить в нем подозрение.

Когда он терзался своими мыслями и бездельно шагал по огромному залу, он увидел, как одна из блестящих пластин, укрепленных у двери, отскочила и повисла на проволоке, а в глубине открывшегося пространства замелькали огоньки.

Илья Максимович приложил пластину к уху.

Он услышал такой же приятный голос, какой слышался в аппарате карлика..

— Двое из привезенных с земли бежали! — говорил голос. — Рамисы настигли их и обоих убили...

— А где они помещались? — спросил, весь дрожа от волнения, моряк.

— В старом доме, среди сожженного леса, — услышал он ответ. — Я приказал охранять все входы и выходы, а пленников поместить на самом верху... Их скоро закуют...

— Что хотите вы сделать с ними? — спрашивал капитан, сжимая кулаки и едва удерживая пластину около уха. — Я был в отсуствии и не знаю...

— Мы решили извлечь из них интеллектуальную энергию. Наши рамисы давно уже не обновляли своего человеческого духа и все более звереют. Они сделались дерзкими, и на них, как на зверей, иногда уже не действует внушение... Можно опасаться такого же возмущения, какое было в третьей эпохе нашей жизни, когда нам пришлось погубить их более половины и обрушить им на голову свод прекрасного подземелья «Сияющей воды»...

Огоньки потухли и голос умолк; Седельников побежал искать профессора.

Он тщетно обежал весь дом, кричал и звал его. Только любопытные лица рамисов выглядывали из разных закоулков, и Седельников, написав на клочке бумаги: «Ждите меня здесь. Кажется, я нашел», бросил записку посреди зала и сбежал с лестницы.

Он торопился через поля добраться до леса и здесь отыскать старый дом.

Когда он очутился в тени, под навесом листьев и пушистых метелок высоких деревьев, он задумался над тем, куда ему направиться, и решил пойти наудачу.

Илья Максимович углубился в лес. Кругом в чаще громко шуршали в высокой траве какие-то убегающие существа, и Седельников был уверен, что это были змеи, так как он не слышал топота ног скрывшихся от него животных.

Тишину, царившую здесь, никто не нарушал, и Седельников схватился за револьвер, когда из глубины леса до не-

го донеслись глухие крики и грозное звериное ворчанье.

Таясь в тени деревьев и стараясь идти как можно тише, моряк добрался до небольшой поляны, ярко освещенной фиолетовым светом.

То, что он увидел, заставило его насторожиться и приготовиться к защите. На поляне происходил бой, жестокий, без надежды на спасение и пощаду бой.

Рослый, могучий рамис схватил руками поперек тела другое чудовище. Оно было покрыто желтым волосом и обладало длинными руками и большой головой.

Разглядеть яснее это существо моряк не мог, так как оно быстро двигалось и прятало свою голову под грудью рамиса, стараясь схватить его за шею.

Наконец, рамис рванулся и уже широко поднял для удара руку, но его противник неожиданно прыгнул вперед и впился обеими руками в его горло.

Седельников побежал на помощь рамису, уже задыхающемуся и беспомощно бьющемуся в цепких объятиях своего врага.

Появление человека поразило чудовище, душившее рамиса; оно уже готовилось бежать, но потом, сделав над собой страшное усилие, повернулось к подходящему человеку лицом.

Моряк увидел широкое скуластое лицо с выдвинутой вперед челюстью и приплюснутым носом. Под покатым и узким лбом горели умные, человеческие глаза. Губы вздрагивали и слегка открывали крупные зубы. На рыжей взлохмаченной бороде виднелись комья пены.

Седельников не сомневался, что перед ним был человек, первобытный, без изменений переживший века и целые расы людей. Моряк опустил револьвер; глаза двух людей встретились, и рыжий, волосатый человек понял все.

Седельников хотел уже уйти, но в это время человек с удвоенной силой бросился на рамиса и в одно мгновение поднял его на воздух и с размаха ударил о камень.

Он несколько мгновений стоял на своих кривых ногах и, согнувшись, зорко следил за Седельниковым; потом медленно повернулся и, оглядываясь, скрылся в лесу.

Когда же Илья Максимович пошел дальше, то он слышал, как по лесу идет рыжий человек и неотступно следит за ним. Когда моряк зажег спичку, закуривая папиросу, в лесу раздались треск и топот быстро убегающих ног.

Седельников пробирался сквозь чащу леса и, хотя путь был очень тяжелый, так как путник шел по целику, не найдя тропинки, он не чувствовал ни усталости, ни голода и жажды.

И он случайно вспомнил о том, что на земле теперь уже ночь и, взглянув на часы, увидел, что стрелка указывает на три часа пополудни. Часа два шел еще Седельников, пока не наткнулся на первые обожженные деревья. Листья их давно уже опали и оставались только почерневшие, полуманые стволы с обуглившейся, чешуйчатой корой и обгорелыми ветвями.

Моряк долго еще блуждал по лесу, пока не вышел на поляну или большую просеку. Здесь стоял полуразвалившийся дом с высокой круглой башней.

Несколько рамисов оберегали вход. Заметив Седельникова, они поднялись с угрожающим бормотанием.

Подойти близко не было возможности, а потому моряк начал громко кричать по-русски и по-английски. Долго не было ответа на призыв человека, и только рамисы злое еще ворчали вдали.

Уже капитан хотел повернуться и начать поиски другого дома, где были заключены люди, как вдруг до него донесся слабый окрик, заглушенный пространством и толстыми стенами.

Был ли это русский или английский язык — Илья Максимович не мог определить. Слишком слаб и короток был этот человеческий окрик.

Никто теперь не мог бы удержать Седельникова. С револьвером в руках он бросился на рамисов. Те сгрудились и, поднявшись во весь рост, протянули вперед свои могучие руки. Один из рамисов схватил Седельникова за плечо и отшвырнул его в сторону, но капитан спустил курок, и чудовище, пораженное пулей между глаз, билось на земле, постепенно затихая.

С ревом и завыванием бросились на человека рамисы, но Седельников, уже разгоряченный боем, был настороже. Один за другим гремели выстрелы, и новые и новые тела корчились на земле, царапая камни и вырывая траву и мох.

Казалось, что победа склоняется на сторону человека. Оставались лишь двое рамисов, но когда он их взял на прицел, они с воем начали убегать к дому и, торопливо вбежав в него, заперли дверь.

Илья Максимович не знал, что ему предпринять. Штурмовать дом в одиночку, не зная, скольких врагов он в нем найдет, не казалось ему разумным. Он решил вернуться в дом спасенного им карлика и посоветоваться с Залесовым и, вероятно, успевшим уже вернуться Жуковым.

Перед уходом, однако, он крикнул еще несколько слов, обещая скоро вернуться и ободряя заключенных надеждой на освобождение.

Лишь только Седельников вошел в лес, он услышал за собой крики и увидел, что толпа рамисов, предводительствуемая карликом, мчащимся на прикрепленных к ногам моторах, гонится за ним.

Моряк побежал, таясь за деревьями и припадая к густой траве. На ходу он вложил в магазин револьвера свежую обойму с двенадцатью разрывными пулями.

Погоня не достигла еще чащи, а потому Седельников, заметив густой, раскидистый куст, забрался в него и приготовился к защите.

Рамисы, подхватив карлика, бежали по лесу. В руках у них были дубины и камни, и чудовища, не разбирая дороги, бессмысленно мчались по лесу, дико крича хриплыми голосами.

Не успели они добежать до куста, в котором притаился моряк, как с разных сторон на рамисов кинулись волосатые люди.

Быстро заработали толстые, сучковатые дубины, усаженные толстыми кремнями, заскрежетали зубы и раздались крики бьющихся грудь о грудь врагов.

Один из людей, пробегая, опустил свою палицу на карлика, стоявшего в стороне. Жалко свернулось, как раздавленная улитка, маленькое тщедушное тело уродца и замерло, не вздрогнув.

Бой был ожесточенный, так как силы противников были равны. Уже несколько убитых и раненых лежали в траве, и общая свалка превратилась в отдельные поединки, где человек сшибался с рамисом, поражая, грызя и царапая врага.

Седельников решил, что настала пора действовать, и он открыл огонь по рамисам. Сначала бьющиеся обратились в паническое бегство, но постепенно люди поняли, что неизвестная им сила поражает лишь их врагов-рамисов и начали избивать убегающих.

За людьми побежал и Седельников. В пылу погони он опередил преследующих чудовищ людей и без жалости поражал рамисов, стерегших в старом доме захваченных с поверхности земли людей, а среди них, быть может, и любимую Седельниковым девушку, добровольно подвергшую себя ужасам полярного материка.

Волосатые люди с торжествующим боевым кличем бежали за ним и добивали остатки отряда рамисов. Бой завязался с новой силой и ожесточением, когда на помощь избиваемым бросились работающие в полях рамисы; но это задержало ожесточенных людей лишь на несколько минут.

Вскоре за Седельниковым мчались около полусотни рослых, могучих мужчин с увесистыми палицами в дюжих руках, и все взоры были обращены на стоящий на холме дом карлика.

Под ударами палиц отлетали от лестницы и пола куски драгоценного камня, и алая кровь рамисов-прислужников лужами стояла на мягких коврах и стекала с террасы по широким ступеням.

Седельников привычным повелительным голосом крикнул:

— Стой!

Он только теперь услышал свой окрик, пришел в себя и, оглянувшись на разбивающих все на своем пути людей, под-

нял вверх обе руки.

Рыжеволосые воины опустили свои дубины и сбились в тесную кучу, как укрощенные звери.

Седельников, сделав ряд выразительных движений, поясняющих его приказание оставаться на месте, отправился искать товарищей.

XIV.

ВЫХОДЦЫ С ДАЛЕКОЙ ПЛАНЕТЫ

Пока капитан переживал такие острые ощущения и неожиданно нашел союзников в лице первобытных людей, старый профессор служил предметом самых предупредительных забот уродца с необъятной головой мыслителя и телом жалкого слизняка.

Он привел его в комнату, обитую толстой и мягкой тканью, чтобы ни один звук не проникал сюда, и установленную различными, никогда не виданными ученым приборами.

Собеседники соединились друг с другом аппаратом, читающим мысли, и начали разговор:

— Я знаю, — сказал карлик, — что вас, вероятно, волнует вопрос, кого вы видите перед собой? История человечества мне известна. У нас бывали люди в разные эпохи...

— А где они теперь? — поспешил спросить профессор.

— Они превратились в энергию, слились с общим океаном ее... — без заминки ответил уродец,

Профессор печально поник головой и подумал, что смерть, как ее громко ни называть, остается все-таки смертью, но уродец приветливо улыбнулся и заметил:

— Это только люди считают смерть концом своих личных ощущений и ошибаются... После смерти жизнь каждого из живых существ продолжается...

Помолчав немного, карлик вновь заговорил:

— Я удовлетворю ваше любопытство и покажу, откуда взялись мы — кампарты!

— Кампарты... кампарты? — переспросил профессор. — Какое знакомое имя...

— В средние века так у вас на земле называлась самая северная звезда «Южного Креста». Но вот, наденьте на голову эту сетку и смотрите!

Перед глазами ученого была безграничная междупланетная пустота. Чувствовались даже ее безмолвие, стужа и мертвый покой. Но из этой пустоты выступал темно-красный диск, разбрызгивающий во все стороны потоки быстро мчащихся частиц. Они пронизывали, как ядра орудий, пространство и падали, воспламеняя и воспламеняясь, на другой диск.

— Это лучи энергии! — шепнул изумленный химик.

— Да! — ответил карлик. — Но в своем неиссякаемом течении они несут захваченные частицы вещества. И вот однажды эти лучи подхватили зародыши живших на Кампарте существ и бросили их сюда тогда, когда земля еще была горяча. Потом земля остыла, и в нашу страну пришли люди и гнали нас дальше и дальше, уча бороться с собой. Много погибло нас, пока с Кампарты наши родичи не дали нам знать, то освещая, то гася какие-то огни на южной поверхности своей планеты, как надо жить и как быть бессмертными. Тогда мы победили людей, загнали их в подземелья, принудили работать для нас, ушли от холода в эти прекрасные места и теперь гибнем лишь при катастрофах.

— А сколько осталось кампартов? — задал вопрос ученый.

Уродец вздохнул и ответил:

— Мало! Нас осталось всего четверо... Зато, — продолжал он, — наше существование — наслаждение. Мы видим чудесной красоты картины, открывающиеся нашим чувствам при свете темных лучей или при излучении наэлектризованных тел. Согласные, не нарушаемые ничем, колебания мельчайших составных частей вещества, колебания с миллионами правильных движений в секунду — это наша музыка! Весь мир — это великий океан чудесных зрелищ и волшебных звуков, прекрасных и величаво грозных, и только изредка врываются в них резкий, неожиданный шум и гром. Это рушатся отдельные миры или сразу, со смертью многих живых существ, бурно врывается в океан сил поток освобожденной энергии... Жалкие, глухие люди! Вам не дано слышать этих чудных мотивов, этого гимна ве-

ликой природы... Мы же услаждаем свой слух и зрение электризуемыми металлами, нагреваемыми минералами и медленно разлагаемым веществом... Мы достигли полного развития всей нервной системы... И только одна мысль гложет наши сердца, отравляет наш покой богов...

Профессор с любопытством повернулся к собеседнику. Тот продолжал:

— Наша мечта — вернуться на нашу далекую планету...

Карлик вздохнул и замолчал.

— Я видел, — сказал ученый, — в море ваши подводные лодки. Они доказывают, что для вас почти нет невозможного...

— На земле — нет, но вне ее, к сожалению, многое сильнее нас! Земля вошла в последнюю фазу существования. Она умирает... Что-то произошло такое, что на одно мгновение нарушило связь между частицами, составляющими основу некоторого вещества, и силами, их связывающими. Вы его называете радием... мы — территом, потому что он залегает в центре земли. Это движение разложения перешло к родственным территу веществам, и от них, как тление, оно бежит дальше и дальше. От земли тянется теперь длинный хвост частиц вещества и лучей уходящей энергии, и этот поток сил и вещества относит к юго-востоку все наши суда и наших смельчаков. Они не попали на Кампарту и в своих снарядах, лишённые живой энергии, давно уже обессилели и погибли... Вот почему нам суждено оставаться здесь...

— На острове, — сказал профессор, — был город и он сгорел, а население его исчезло... Что сделали вы с ним?

И профессор, взяв кампарту за руку, рассказал ему историю города и картину разрушения его.

Карлик в недоумении пожал плечами.

— Понимаю!.. — ответил он после продолжительного молчания. — Наши атры-рабы добыли для согревания под-земелий и реки большую глыбу террита. Часть его мы применили в дело, а другую вывезли на поверхность земли... Вероятно, лучи террита, разложив воздух и лед, сначала погубили людей, а потом сожгли город... Впрочем, недав-

но сюда доставили нескольких людей... Видно, не все там погибли... Они нужны для интеллектуального питания рамисов и атров... На них случайно дважды натыкались на поверхности земли рамисы, посланные на поиски одного кампарта, отправившегося туда для каких-то опытов...

— Где же они, эти схваченные рамисами жители города? Живы они? Умерщвлены? — бросал торопливые вопросы Залесов, не выпуская прозрачных рук уroda.

Тот опять пожал плечами и ответил.

— Нет! Они все живы! Только они пытались бежать и нападали на охранявших их рамисов, а потому их поместили в старом доме давно погибшего кампарта в западном лесу...

Какие-то крики, звон и оглушительный треск, отголоски тяжелых шагов донеслись сюда, и кампарт болезненно и брезгливо поморщился.

Дверь стремительно распахнулась, и Седельников, с развевающимися волосами и возбужденным лицом, вбежал и крикнул:

— Скорее! Скорее! Я, кажется, нашел пленных...

— Они в старом доме, в сожженном лесу, — сказал Залесов.

С торжествующим криком радости и счастья, забывая, что, быть может, любимой девушки нет среди пленных, капитан бросился из комнаты, сбежал по лестнице в сад и через поля, гонимый надеждой и жаждой встречи, мчался, как привидение, а за ним, воя и потрясая палицами, неслась ватага рыжеволосых, пьяных от крови и боя великанов...

Эта толпа людей, руководимых различными чувствами, в сумраке леса казалась вереницей злых духов и оглашала чащу дикими, нечеловеческими криками, завыванием и рычанием.

В то же время карлик со старым профессором вошли в зал и увидели следы разрушения и убийства.

Кампарт остановился и на его лице появилась гримаса страдания.

Он приложил обе руки к груди и дал знать профессору, чтобы тот соединился с ним прибором для разговора.

— Мы, — сказал он, — так тонко организованы, что незначительные температурные и химические изменения мозга, происходящие при появлении мысли или внешнего впечатления, нам заменяют звук голоса... А здесь я чувствую, как вся атмосфера напоена токами возбуждения и жажды крови. Мне больно... мне тяжело...

Подойдя к дивану, он беспомощно упал на него и тяжело дышал, хватаясь тщедушными руками за грудь и горло.

Успокоившись, он подошел к аппарату, висящему на стене, и вдруг отскочил от него и в волнении начал оглядываться.

— Что случилось? — мысленно спросил профессор, подходя к кампарту.

— Я хотел приказать рамисам убрать убитых и послать за безумцами погоню... но аппарат не действует! Кто-то испортил батарею термо-аккумуляторов в рабочих подземельях...

На лице кампарта и в его движениях было совершенное отчаяние. Он опять бросился на диван.

Профессор молча начал ходить по залу, на мгновение вышел на террасу, но, увидев и здесь лужи крови и трупы убитых рамисов, вернулся обратно.

Чуждой казалась картина кровавого, жестокого убийства в этом сказочном доме с его тихим, мерцающим светом и преломляющими его лучи в своих замысловатых гранях драгоценными камнями стен, свода и колонн.

Чтобы развлечь карлика, старый химик начал рассказывать ему об успехах человеческого знания, и когда кампарт внимательно слушал его, он будто случайно спросил:

— Зачем вам, жителям подземелий, нужны подводные лодки?

Кампарт спокойно ответил:

— Мы их посылаем из большого Соляного озера горячих подземелий в океан. Наши лодки добывают пленных для интеллектуального питания рамисов и атров, потомков прежних людей. Морские экспедиции, впрочем, случаются

редко, лет через 25... При этом неизбежно гибнут ваши суда... Вы, вероятно, помните, что почти у тропика Козерога погиб большой французский купеческий пароход «Генриэтта»... После этой катастрофы у нас жили 20 человек команды... но они умерли, и нам пришлось...

— Я видел, как погибла «Леди Гамильтон»... — с печалью подумал химик.

— Да, жаль, очень жаль! — покачал головой карлик. — Это была бесполезная жестокость, так как в это же время мы взяли с поверхности нашего материка много пленных...

Карлик вдруг насторожился и, поднявшись, долго слушал.

— Кто-то бежит сюда!.. — сказал он. — Я боюсь!..

По лестнице, действительно, кто-то быстро поднимался.

Профессор, ощутив в кармане револьвер, повернулся к двери, готовясь защищать кампарт.

Но в зал, едва держась на ногах, вошел и почти упал на пол Седельников, едва успев опереться о стену.

— Ее опять увели и где-то спрятали! — крикнул он в иступлении и, подбежав к кампарту, поднял над ним кулак. — Проклятый урод, гнусная тварь!

Залесов удержал его кулак, готовый разmozжить голову маленькому, беспомощному уродцу.

— Оставь! — сказал старик строгим голосом. — Он ни в чем неповинен... Расскажи лучше все толком и успокойся!

Капитан начал быстро ходить по залу, тяжело дыша и по привычке щелкая пальцами.

— Я прибежал в старый дом и с этими дикарями перерыл его снизу доверху! — воскликнул он наконец. — Там не осталось ни одной несломанной двери, ни одной запертой комнаты, но я ни живой души там не нашел!

Моряк закрыл лицо руками и разразился тяжелыми рыданиями.

— Дикари нашли следы целой толпы людей и глубокую колею острых колес автомобиля, но след этот вел на дорогу и здесь все следы путались. Что мне делать? Что мне делать? Скажи!..

Схватив за руку старого друга, Илья Максимович смотрел на него полными слез глазами и ждал ответа.

— Надо сначала найти Жукова! — сказал наконец химик. — Мы возьмем карлика и вчетвером отправимся на поиски. Ступай и ищи его!

Но не успел моряк дойти до террасы, когда струящийся повсюду свет начал меркнуть и, вспыхнув, погас.

Глубокая тьма залегла кругом. Бесформенной черной грудой навалилась она и, казалось, придавила своей тяжестью.

— Несчастье! — крикнул в аппарат Залесова кампарт. — Мы разъединены с главными электрическими машинами... Если кто-нибудь из нас — кампартов, видящих при лучах теплоты, будет принужден опуститься в машинные подземелья, — тот погибнет. Атры ненавидят нас... Они усмирены, но не примирены, как рамисы...

— Что же делать теперь? — спросил химик.

Залесов, не дождавшись ответа, протянул руку к кампарту, но карлика уже не было.

Незамеченный в темноте, неслышно ступая, он выскользнул из зала.

Друзья, подавленные случившимся, сидели молча и выжидали событий.

XV.

В ПОДЗЕМЕЛЬЯХ РАБОВ

Веселый, жизнерадостный журналист, подружившись с рамисом, решил не отпускать его от себя и по возможности подробно изучить жизнь в подземельях, предоставив карликов Залесову и Седельникову и интересуясь этими могучими и покорными микроцефалами.

Журналист даже не подозревал, что капитану придется во главе целого отряда первобытных людей участвовать в кровопролитном бою и, поглаживая рамиса и угощая его сахаром и шоколадом, он шел вместе с ним через поля, в сторону небольшого озера, видневшегося на западе.

В высоком, каменистом берегу озера была пещера, откуда шла глубокая шахта в нижние подземелья.

Просторная кабина доставила Жукова и его спутника, а также других подошедших рамисов в небольшое подземелье. Оно было ярко освещено, и несколько чудовищ копошились в разных местах.

Одни из них чистили цилиндрические экипажи, наполняли их резервуары какой-то густой, маслянистой жидкостью, починали машинные части или собирали новые.

Здесь ворчали точильные станки, визжали напилки и острия, сверлящие сталь и медь, и стучали молоты.

На другой стороне подземелий, за крепкими решетками из толстых железных полос, были заключены самые могущественные чудовища. Они глухо ухали и тяжело, отрывисто, словно досадуя, дышали и иногда злобно шипели и свистели.

Это были машины. Сверкающие гиганты с быстро движущимися частями своего стального тела представляли собой многоэтажные сооружения со сложными системами колес, толстыми, напоминающими стволы многовековых деревьев валами, могучими шатунами и шкивами и быстро носящимися взад и вперед коленчатыми рычагами.

Из-под земли к этим машинам тянулись толстые провода и такие же черные змеи из сплетенных проволок уходили вверх.

Из-за решетки с удивлением смотрели на пришельца лица рамисов.

Спутник Жукова дал знать, и его впустили за решетку, куда скользнул и журналист. Он с любопытством осматривал машины, так как, не видя парового котла, не понимал, что служит источником движения этих гигантов.

Рамисы, обслуживающие машину, поняли его недоумение и, подойдя, заставили его нагнуться и взглянуть в помещенное под машиной окно. Жуков увидел два толстых стержня, выступающих из земли. Вид металла обоих стержней был незнаком Жукову. Между двумя концами этих стержней тянулась сплошная полоса искр. В полосе ходило колесо, которое уносило на своих глубоких зубах, как в черпаках, трещащие и вспыхивающие огоньки, передавая их дальше, другим частям могучего механизма.

На стене висел план машины и, хотя Жуков не был инженером, он, однако, сразу понял, откуда берется такое большое количество электричества. Стержни шли в глубь земли. И на глубине многих верст, — там, где уже начиналась область расплавленных пород, на концах двух спаянных разнородных металлов, при действии 8000° жары, рождались неисчерпаемые запасы электрической энергии. Приводя в движение очень мощную динамо-машину, электричество собиралось в аккумуляторах, наполняющих огромный зал в северной части машинного подземелья.

Тут же стояли и быстро, словно торопясь куда-то, работали, мерно посвистывая, различные мелкие механизмы, точно пригнанные, бесшумные и красивые.

Рамис, подружившийся с Жуковым, остался работать около машин, и журналист побрел один по подземелью, отыскивая новые машины, которые, однако, очень скоро ему наскучили.

«Будто на выставке, в машинном павильоне! — бормотал он. — Внушительно и страшно, но совсем непонятно».

Он очень обрадовался, когда увидел будку нового лифта.

Вместе с несколькими рамисами он опустился в следующее подземелье. Здесь в отдельных пещерах помещались различные производства.

Жуков видел, как кривоногие, согбенные существа с еще менее заметными, чем у рамисов, головами и злыми, не перестающими сверкать глазами брели под тяжестью ноши. Они несли тюки разных тканей, железные и медные листы и круги проволоки, сосуды с разными жидкостями и складывали свой груз в большую подъемную машину, уносящую его в первое подземелье.

Отважный до дерзости человек опустился еще ниже и попал в полумрак. В низких подземных пещерах с нависшим каменным сводом ели и спали кривоногие, злобные существа. Сухой, захлебывающийся кашель, тихие стоны слышались отовсюду. Тяжелый, знойный и спертый воздух вызывал головокружение и тошноту.

Жуков с трудом преодолел почти обморочное состояние и с ужасом увидел, что широкая дорога круто падает еще ниже.

«Если уж начал, — надо кончить!» — подумал журналист и смело пошел вперед.

Он прошел, вероятно, около полуверсты и очутился в большом круглом подземелье с целой сетью железных балок, среди которых, глухо грохоча, ходили тяжело нагруженные подземные клетки.

Из узких нор, виднеющихся в стенах подземелья, выползали, как черви, люди и тащили за собой куски отбитой от земной коры породы.

Запаздывающих или провинившихся жестоко хлестали железными прутьями рамисы-надсмотрщики, бросали на землю и топтали своими могучими ногами этих хилых, кривоногих существ.

Только впоследствии журналист узнал, что это были астры, бессловесные и бесправные рабы, всю жизнь тяжело работающие в мрачных и зловонных закоулках и галереях нижних подземелий. Здесь они рождались, жили, размно-

жались и умирали от непосильного труда, все более и более теряя облик разумного существа, пока кампарты не находили нужным дать им интеллектуальное питание.

Жуков пробрался в узкие входы, проделанные в глубоких накалинных слоях земли. В каждом сидели по несколько атров. Они царапали, резали и отбивали камень, обливаясь потом и кровью под свист железных прутьев рамисов.

Словно огромные черви, точили жители подземной страны земную кору, строили каменные соты и длинные, извилистые ходы для кого-то могущественного и злого, кто за труд и усталость дарил мучение.

Глухое бормотание рамисов, стоны и крики избиваемых, гул взрывов, дробящих скалы, звон и лязг железа, грохот рушащихся обломков скал создавали водоворот звуковых волн, мятущихся в сумрачном и горячем воздухе.

Жуков решил бежать отсюда и начал подниматься, пока не достиг последнего этажа. По дороге сюда он встретился с рамисом, который обратил на себя внимание журналиста. Подозрение внезапно шевельнулось в мозгу Жукова.

Рамис вез с собой цепи. Они были снабжены кольцами для ног и рук. В этом был уверен Жуков, и ему очень хотелось расспросить чудовище, для кого предназначались оковы.

Но рамис издавал лишь глухие, односложные восклицания, и от него нельзя было ничего добиться. Тогда Жуков решил проследить за тем, куда понесет рамис цепи.

Выйдя из кабины и сгибаясь под тяжестью ноши, чудовище направилось к автомобилям.

Сложив в экипаж цепи, оно уже намеревалось тронуться в путь, когда подошел Жуков и прикоснулся к его плечу.

Головой журналист указал на сиденье и сделал вид, что хочет войти.

Рамис с удивлением оглядел незнакомца и грубо оттолкнул его в сторону. Жуков не знал, что ему делать. Потерять рамиса он не мог. Какое-то тайное чувство подсказывало ему, что кандалы предназначались не для рамисов, которые одним слабым усилием разорвали бы их.

И вдруг Жуков вспомнил первое движение карлика, когда из мрака за дверью кабины блеснули глаза рамисов.

Он протянул вперед руку и сделал несколько плавных движений в воздухе. Рамис сразу пригнулся до самой земли и, покорно войдя за журналистом в автомобиль, пустил в ход машину. Он быстро окружил машинные отделения и въехал в слабо освещенный тоннель, по которому мчался так быстро, что лишь воздух свистел и захватывал дыхание.

Из тоннеля они выехали в долину, и Жуков сразу узнал эти места. Недалеко отсюда должна была уходить под поверхность верхнего подземелья согревающая его кипящая река. По довольно тряской дороге автомобиль въехал в лес и остановился на поляне с возвышающимся посреди нее полуразрушенным домом.

Рамис, взвалив на спину пук цепей, понес его к дому. Следом за ним двинулся и Жуков. У входа они увидели труп рамиса с пробитой пулей головой. Когда они вошли в дом и рамис издал глухой призывный вой, — никто не ответил ему. Тогда крикнул и человек и тотчас же сверху раздались радостные, возбужденные голоса. Жуков стремительно побежал наверх, и в большой комнате с окнами, защищенными толстыми решетками, к нему бросились люди — десять женщин и двое мужчин.

Одна из женщин подошла к Жукову и спросила его:

— Вы — русский?

Родная речь привела журналиста в бурный восторг. Он кричал от радости и рассказывал, волнуясь и перебегая от одного человека к другому, о всех приключениях Седельникова за последнее время.

— А он здесь? — спросила подошедшая к нему молодая, бледная девушка.

— Кто «он»? — спросил журналист и вдруг все понял.

— Вы — Разина? Да! Да! Какое счастье! Как будет счастлив Илья Максимович! — кричал он.

Он с трудом успокоился и начал что-то обдумывать, быстро ходя по комнате.

Потом подошел к пленникам и сказал:

— Выходите!

Он вывел их на поляну, усадил в автомобиль и приказал рамису ехать. Когда они добрались до главной дороги, он знаком показал чудовищу, что хочет ехать вдоль реки и, достигнув тоннеля, пустил рамиса вперед, а сам со своими спутниками шел за ним. Он усадил всех в кабину и, приказав ждать, вместе с покорным рамисом возвратился к автомобилю.

Надо было во что бы то ни стало отыскать и доставить сюда Седельникова и Залесова, и журналист решил ехать к дому карлика.

Он сделал несколько повелительных движений перед лицом испуганного рамиса и грозно топнул ногой.

Автомобиль быстро мчался по дороге, но, въехав в ту часть ее, где по сторонам начинались уже поля, Жуков услышал в разных местах долины громкий треск, напоминающий выстрелы. Со стороны озера раздавался тревожный вой рамисов, и целые толпы их бежали через поле, потрясая руками и тяжелыми железными палками.

Жуков понял, что треск был сигналом тревоги и что рамисы бежали кому-то на помощь.

Мгновенное решение созрело в голове журналиста.

Бой с чудовищами неизбежно должен был кончиться поражением людей в тот миг, когда был бы выпущен последний заряд.

Боя нужно было избежать, и Жукову казалось, что он нашел для этого способ.

Он направил автомобиль к озеру и, остановившись у входа в подземелье, внимательно осматривал местность.

Недалеко от отверстия шахты он увидел могучий пилеястр, а из его вершины тянулись к своду толстые змеи проводов.

На это и надеялся журналист. Он быстро подбежал к колонне, увидел в ней дверцы, быстро открыл их и начал отвинчивать провода от металлической пластины, соединенной с подземными кабелями.

Когда он отвинтил последний провод, сзади раздался вой безумного ужаса. Жуков оглянулся, но ничего уже не

мог увидеть. Кругом была непроницаемая, слепая темнота.

Он быстро вынул карманный фонарь и, отыскав рамиса, пустившегося было убегать, сел в автомобиль и направился к дому своего недавнего гостеприимного хозяина-карлика.

Остановившись у лестницы, он громко свистнул.

XVI.

БЕГСТВО

Илья Максимович и старый химик услышали свист товарища и бросились на террасу.

— Скорее! Скорее! — крикнул им Жуков и направил на них свет фонаря.

Не теряя времени на расспросы, они быстро сбежали с лестницы и уселись в автомобиле. Жуков поместился на прежнем своем месте рядом с рамисом и был готов пустить ему пулю в голову при первой попытке бегства или неповиновения. Но бедное чудовище, напуганное его повелительными движениями, было покорно и гнало машину полным ходом.

Иногда из-под колес автомобиля неслись стоны и вой рамисов, в темноте не видящих мчащегося экипажа, а он прыгал по их телам и вздрагивал, качаясь на мягких рессорах, и мчался дальше, как жестокий, кровавый призрак.

Когда автомобиль мчался вдоль реки, Жуков поднялся и, перегнувшись через сиденье, крикнул Илье Максимовичу:

— Она жива!

В темноте никто не видел, как побледнел и задрожал всем телом моряк и как он, сдавливая себе горло, старался не разрыдаться или не кричать громко и радостно, чтобы весь мир услышал о его счастье, об исполнении так долго и мучительно лелеянной мечты.

Автомобиль остановился у входа в тоннель, и путешественники вместе с рамисом быстро добежали до кабины.

Пока капитан, взволнованный и счастливый, расспрашивал о прожитом времени и говорил девушке простые, но сильные и понятливые слова о своем чувстве и тревоге, в кабине при свете карманного фонаря люди знакомились и делились впечатлениями и печальными воспоминаниями.

— Почему же мы не поднимаемся на землю? — спохва-

тился вдруг профессор и взял за руку Жукова.

— А где же энергия? — засмеялся он. — Ведь я же вам уже сказал, что я разъединил верхнее подземелье с отделом машин.

— Значит, они нас найдут! — сказал ученый, с тревогой взглянув в веселое, беззаботное лицо журналиста.

— Я думаю, что нет, так как они скоро починят испорченные мною провода и осветят свои подземелья! — ответил со смехом Жуков.

— Тем легче они нас найдут тогда... — шепнул Залесов.

— Нет, ведь как только энергия побежит по проводам, — тронемся в путь и мы!

С этими словами он глазами указал на рамиса, который возился в углу кабины около различных кнопок, блестящих рычажков и рукояток.

Вскоре кабина плавно двинулась в путь, а в подземельях уже по-прежнему мерцал таинственный мягкий свет.

* * *

На поверхности земли их ожидал целый отряд матросов с «Капитана Седельникова» под предводительством одного из офицеров.

Русинов и Нерпин, не дождавшись возвращения командира, по следу лыж добрались до входа в шахту и, найдя записную книгу профессора, спешно вернулись на берег и вызвали подкрепление.

С судна даже свезли одну пушку и взяли ее с собой на всякий случай, а матросы были вооружены.

Появление путешественников из шахты было встречено радостными криками команды.

Жуков, проделав свои магические движения перед лицом рамиса, дал ему большой кусок шоколада и приказал опускаться.

Одев спасенных в запасные меха, оставшиеся в лагере на перевале, все вернулись на пароход, последний раз ки-

нув взгляд на проклятую долину, где нашли себе могилу почти все сосланные на о. Гарвея женщины и где под толстым покровом снега и льда покоилась не выдержавшая суровой полярной зимы мать Ольги Константиновны.

«Капитан Седельников», опасаясь погони подводных лодок кампартов, взял курс не на о. Эндерби, но на северо-восток, к земле Деликсанта и, только пройдя этот гористый берег, приказал переложить руль на левый борт.

Через четыре года после описанных событий в газетах всех стран появилось сообщение, что срок ссылки суфразисток окончился.

Соединенная эскадра под командой английского адмирала отправилась за сосланными, но, проблуждав пять дней южнее о. Эндерби, нигде не нашла земли и принуждена была возвратиться к мысу Доброй Надежды.

О. Гарвея исчез.

Он погрузился в пучину полярного океана вместе с пришедшими на землю с иного мира кампартами, с поработочными ими рамисами и истязуемыми атрами, источившими землю, скованную вечными льдами.

На месте твердой земли мороз нагромоздил ледяные поля и горы, и на них по-прежнему царила смерть, бледным призраком блуждая по мертвенно-молчаливой полярной пустыне, таящей в недрах своих могил тех, кто, отбросив грезы о справедливости, с мукой шел навстречу пресуплению и бесстрашно — на страдание и гибель.

Примечания

Повесть А. Ф. Оссендовского «Женщины, восставшие и побежденные» – своеобразное «предисловие» к фантастической повести автора «Затрашняя борьба» (1914, см. в изданном нами сборнике Оссендовского «Бриг “Ужас”», 2013), начинающейся с описания казни «последней суфражистки».

Повесть вышла отдельным изданием в московском издательстве «Наши дни» в 1915 г. и переиздается нами впервые. Текст дан по первоизданию с исправлением ряда устаревших особенностей орфографии и пунктуации. Также были исправлены очевидные опечатки. Географические наименования в основном оставлены без изменений.

Некоторые исправления нуждаются в пояснении. Из двух подзаголовков («Роман» на обложке и «Фантастическая повесть» на титульном листе) предпочтение было отдано второму. В заглавии гл. VI (в оригинале «Гибель парусника “Ван Гаган”») название парусника не соответствует фамилии голландского инженера и представляет собой явную опечатку, а потому было исправлено на «Ван Гааген» (как парусник и называется далее в исходном тексте на с. 47). Еще одна явная опечатка содержится в заглавии гл. XIV – «Выходы с далекой планеты» вместо «Выходцы...» На с. 152 исходного издания матрос Русинов назван Русиним; фамилия исправлена в соответствии с первым упоминанием.

Оглавление

I. День отчаяния	7
II. Экспедиция русского парохода «Океан»	12
III. Живой груз	14
IV. На мысе «Доброй Надежды»	22
V. Плавание соединенной эскадры	25
VI. Гибель парусника «Ван Гааген»	31
VII. На острове алмазов	40
VIII. «Капитан Седельников»	47
IX. Подводные пираты	52
X. На острове Гарвея	60
XI. Полярное существо	70
XII. В подземной стране	76
XIII. Случайное открытие	84
XIV. Выходцы с далекой планеты	91
XV. В подземельях рабов	98
XVI. Бегство	105
Примечания	108

POLARIS



ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.